

ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

РЫЖЬШ

Екатерина Каблукова

Выигрыш

«Автор»

2021

Каблукова Е.

Выигрыш / Е. Каблукова — «Автор», 2021

Красавица Феба по праву получила прозвище «Прелестница», у ее ног весь Лондиниум. Она притягательна, опасна и оттого желанна. И пусть её презирают дамы высшего света, каждый мужчина мечтает заполучить её. Каждый, кроме Грегори Саффолда, лорда-чародея, самого могущественного человека во всем королевстве. «Расчетливая стерва» - единственный эпитет, который кажется ему подходящим для этой женщины. Он уверен, что в ее везении замешана магия, иначе как объяснить, что Прелестница всегда выигрывает, да и еще все время оказывается там, где её не ждали. И лишь лорду-чародею под силу вывести эту авантюристку на чистую воду. Хотя... так ли все просто, как кажется на первый взгляд или Феба совсем не та, за кого себя выдает? К тому же ей благоволит сам Министр, а он никогда не ошибается в людях...

© Каблукова Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Каблукова

Выигрыш

Пролог

«Полковник Генри Арчибальд Уиквик счастлив сообщить о своей помолвке с мисс Фебой Марлинг. Свадьба состоится третьего июня этого года в городском храме». Столь короткое сообщение, которое появилось в местной газете небольшого городка, возможно, осталось бы незамеченным, если бы все не знали об огромной разнице в возрасте жениха и невесты.

– Какой позор, видно, у Марлингов совсем дела плохи, если они решились на такой брак! – воскликнула леди Джекинз, протягивая газету мужу.

Тот был вынужден внимательно прочитать заметку, после чего окинул супругу строгим взглядом и сообщил:

– Я не думаю, что это – позор. И запрещаю вам так думать.

– Но, Джордж, полковник Уиквик мог бы быть дедом их старшей дочери! – неуверенно возразила женщина, складывая газету.

– Какая разница, кем он мог быть, Хетти! Несмотря на нищету Марлингов, он женится на их старшей дочери, а не берет в содержанки, хотя, представляя состояние их дел, я не исключал и такой вариант. – Лорд Джекинз положил на стол льняную салфетку и встал. – Дорогая, как мэр города буду тебе признателен, если ты не станешь распускать слухи по этому поводу. Семейные дела Марлингов нас не касаются.

С этими словами он вышел, не обращая внимания, на то, как его жена обиженно поджала губы. Тем не менее слухов избежать не удалось, и юная мисс Марлинг, чтобы избежать назойливых расспросов и сочувственных взглядов, старалась лишний раз не появляться в городе.

Неизвестно, как долго этот брак будоражил бы умы сонного провинциального городка, но вскоре известие о назначении королем нового лорда-чародея затмило остальные новости, и про неравный союз все позабыли.

Именно поэтому третьего июня храм был почти пуст, если не считать семьи невесты и пары-тройки зевак, случайно проходивших мимо.

Никто из них не заметил ни бледность невесты, ни отчаяние, плескавшееся в ее глазах, когда она произносила слова брачной клятвы, делавшей ее собственностью престарелого супруга.

Колокольный звон, извещавший об окончании обряда, прозвучал в ушах новоявленной миссис Уиквик похоронным звоном.

Семь лет спустя...

Глава 1

Мистер Бёрджес встретил мистера Уочестера на улице Острых Воротничков. Улица называлась так с тех самых пор, когда на ней находились лавки торговцев этими столь незаменимыми предметами одежды. Как и положено, мода вскоре сошла на нет, лавки наполнились другими товарами, а вот название осталось. Сейчас она являлась одной из самых модных улиц Лондиниума. Несколько раз ее порывались переименовать более благозвучно, но безуспешно.

Впрочем, это название никогда не смущало ни самого мистера Бёрджеса, ни остальных джентльменов, желавших с гордостью профланировать по мостовой от Круглой площади до Королевских садов, дабы продемонстрировать друг другу новый камзол, вышитый золотой канителью, атласный жилет или же начищенные до блеска ботфорты. Гуляя днем, здесь можно было зайти в лавку к портному, а вечером посетить известное заведение мадам Гризайль, где вполне сносно провести ночь с одной из ее прелестниц. Именно туда и направлялся мистер Бёрджес, буквально накануне вернувшийся из длительного путешествия по континенту, когда его встретил мистер Уочестер.

– Адриан, какая встреча! – поприветствовал он школьного приятеля, ощутило встряхнув его руку. – Слышал, ты путешествуешь?

– Да, прихоть моего дяди. – Тот слегка скривился не то от силы рукопожатия, не то от воспоминаний о властном родственнике, незамедлительно отправившем племянника на континент, как только его ушей достигли слухи о чрезмерном увлечении Адриана оперой, вернее, одной из хористок. – Только вернулся. Какие новости в нашем туманном крае?

– О, новость лишь одна! Все обсуждают новый игорный дом, открытый на Гроу-сквер в твоё отсутствие, и Прелестницу, что держит там банк!

– Банк в игорном доме держит женщина? – изумился Адриан.

– Скажи проще, мой дорогой, очаровательная девушка! Она весьма хороша собой и пока изображает неприступную крепость. В клубе у Блэка уже делают ставки, кто же станет ее покровителем.

– Хм... – Мистер Бёрджес задумчиво посмотрел на дом мадам Гризайль. – Похоже, мне стоит прогуляться на Гроу-сквер!

– Брось, приятель! – порекомендовал ему мистер Уочестер. – В дело уже вмешались герцог Кавершем и сэр Уорсли. Против них у тебя нет ни единого шанса!

После такого заявления мистер Бёрджес, считавший себя завзятым ловеласом, переменился в лице и заявил, что он просто должен, не медля ни секунды более, пойти в этот новомодный игорный дом, также он будет счастлив, если мистер Уочестер его туда сопроводит. Тот слегка замялся, вспомнив начальные ставки, царившие в заведении, а также то, что прошлой ночью он уже проиграл большую часть своего квартального содержания, но мистер Бёрджес был его другом, и не стоило отказывать ему в такой малости.

Оживленно болтая, приятели прошли несколько кварталов и остановились у небольшого свежеевыкрашенного особняка, из окон которого, несмотря на достаточно поздний час, лился свет. Два лакея в парадных ливреях цвета спелой соломы стояли на крыльце. Они почтительно поклонились и распахнули двери, впуская приятелей в оживленный холл. Лакей с перебитым носом, по всей видимости совмещавший должность привратника и вышибалы, небрежно взял у вновь прибывших плащи.

– Боже, да здесь же весь свет Лондиниума! – Адриан весело огляделся, поправляя кружевные манжеты, купленные в Паризьёне.

Мистер Уочестер пристально рассматривал костюм друга, несомненно, пошитый на континенте. Особую зависть вызвал у него расшитый золотой канителью стеганный жилет из розового атласа с множеством цепочек и брелочков.

Неспешно ступая, друзья направились в залы. Адриан с интересом смотрел вокруг, отмечая, что все в этом доме устроено по последней парижской моде: стены, затянутые шелковыми тканями, обилие позолоты, ажурная мебель, чьи изгибы по форме напоминали завитки раковин, огромные люстры и канделябры, освещавшие комнаты так ярко, что друзьям казалось, будто на небе вновь появилось солнце.

Несколько человек радостно окликнули мистера Бёрджеса, выразив должное удивление его приездом, кто-то предложил сыграть в фарб, еще двое начали выпрашивать имя его портного, а лорд Хэнниган пристально рассматривал через монокль крупную жемчужину-сережку, украшавшую ухо Адриана, и громко выражал возмущение беспардонными нравами континентальных стран.

– Подождите, подождите, – растолкал всех черноволосый Уорвик Геллахэд, Адриан знал его еще по колледжу, из которого их вместе несколько раз исключали за различные выходки. – Для начала его надо представить нашей Прелестнице!

Предложение было встречено с большим энтузиазмом, и, взяв с подноса бокалы с недурным шампанским, компания молодых повес устремилась в основной зал. Стены были затянуты красным шелком, окна задернуты тяжелыми портьерами с золотыми кистями, Красный шелк снет, тяжелые портьеры, вдоль стены на полке – статуэтки, при виде которых Адриан даже присвистнул от изумления: не каждый богач мог позволить себе так рисковать драгоценным фарфором.

Путь молодых людей пролегал среди беспорядочно, на первый взгляд, расставленной мебели. Везде царил веселье. Наконец они протолкнулись к огромному столу, где шла игра в рулетку. И Адриан замер, с удивлением и восторгом рассматривая девушку, которая запускала колесо фортуны.

Её трудно было назвать красавицей, но что-то в ней привлекало внимание мужчин. Черты лица казались слегка неправильными, и, возможно, рисунок губ был нечетким, а нос слегка великоват, но огромные голубые глаза под тонкими бровями заставляли забыть обо всех недостатках. Прясть непокорных темных волос выбилась из прически и кокетливым завитком падала ей на шею, подчеркивая белизну кожи. Изящные руки тонули в золотых кружевах, украшавших платье из голубого бархата. Вопреки моде, на ее лице не было ни белил, ни румян, а единственным украшением являлся золотой кулон в виде четырехлистного клевера, висевший на тонкой цепочке.

Девушка внимательно взглянула на пришедших и, слегка нахмурившись, задержала взгляд на Адриане. Он гордо выпятил грудь, прекрасно понимая, что Прелестница увидела высокого и весьма недурного собой молодого человека. Его темные волосы, сейчас напудренные и завитые у висков, сзади были перехвачены черной лентой, усыпанной мелкими бриллиантами. А ясные карие глаза напоминали по цвету высококлассный виски, подаваемый за обедом у первого лорда-чародея, начальника тайной службы его величества и, по совместительству, родного дяди мистера Бёрджеса.

Польщенный вниманием, Адриан подошел к столу с рулеткой. Девушка, внимательно следившая за ним, перевела взгляд на сопровождавшего его Уочестера:

– Мистер Уочестер! Рада вас видеть. – Её голос оказался очень мелодичным, и она вновь перевела вопросительный взгляд на мистера Бёрджеса. – Вижу, вы привели с собой приятеля?

– Прелестница! – Уочестер выступил вперед, не замечая, что девушка едва заметно поморщилась от такого обращения. – Позвольте вам представить моего близкого друга и – в последнее время – заядлого путешественника мистера Адриана Бёрджеса. Адриан, перед тобой покорительница наших сердец, красавица Фэба.

Мистер Бёрджес слегка наклонил голову, обозначая поклон: девушка явно не принадлежала к высшему обществу, поэтому целовать ей руку было не обязательно.

– Добрый вечер!

Она дружелюбно кивнула в ответ и вновь запустила колесо рулетки. Адриан, как зачарованный, следил за её руками, утопающими в пене кружев. Феба ловко выпустила шарик, он с жужжанием завращался и попал в ячейку с цифрой ноль.

– Выиграло казино! – объявила девушка, собирая фишки и делая знак невысокому мужчине в голубом камзоле и напудренном парике занять ее место.

Хромая, тот подошел и хмуро взглянул на гостей:

– Будете делать ставки?

– Извини, дружище, я на мели. – Уорчестер с деланным смехом похлопал себя по карманам. – Вчера спустил у вас все до последнего медяка!

– Жаль...

Мужчина проследил за ставками и запустил рулетку. Феба тем временем подозвала лакея с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским. Взяв один из них, девушка вынудила мужчин последовать ее примеру.

– Ваше здоровье, господа! – она пригубила напиток.

– Ваше здоровье! – Адриан разом осушил бокал до дна.

Феба улыбнулась и покачала головой:

– Осторожно, шампанское коварно и ударяет в голову.

Он лишь рассмеялся и демонстративно взял с подноса еще один бокал. Ему показалось, или глаза Прелестницы засияли ярче?

– Вы приехали в столицу по делам? – поинтересовалась она.

Адриан небрежно отмахнулся:

– Ну что вы! Какие могут быть дела? Тем более здесь, в вашем доме?

– Действительно, – улыбнулась девушка. – Похоже, я сказала глупость...

Желая сгладить ее оплошность, он сам завел разговор о путешествии, и, кажется, она смотрела на него с обожанием. Потом Адриан решил, что она обязательно принесет ему удачу в фаро, и проиграл, затем выиграл в рулетку и снова проиграл в два раза больше, на этот раз в пикет. Всю ночь он пил, играл и снова пил. В результате мистер Бёрджес, кажется, проиграл значительную сумму, но это было ничто по сравнению с огромными сияющими голубыми глазами, которые снились ему, когда он, наконец, под утро пришел домой.

* * *

Придворный лорд-чародей Грегори Антуан, граф Саффолд, проснулся ближе к полудню. Он позволил себе понежиться в постели лишнюю четверть часа, после чего требовательно позвонил в колокольчик. Камердинер вошел незамедлительно. Слуга чинно подошел к кровати, с легким поклоном подал господину поднос, на котором стояли серебряный кофейник и чашка, после чего, следуя негласной традиции, направился к окнам, чтобы раздвинуть портьеры из винно-красного шелка, богато украшенные вышивкой и золотыми кистями.

– Нет, Джексон, оставь их прикрытыми! Мне кажется, солнце сегодня светит слишком ярко! Ты же знаешь, что я опасюсь его лучей! – лениво распорядился хозяин комнаты, намазывая крабовый паштет на кусочек хлеба. – И можешь впустить Министра.

– Да, милорд.

Камердинер вновь поклонился и степенно направился к двери.

Грегори с интересом наблюдал за ним сквозь опущенные ресницы. Каждый раз, когда он смотрел на абсолютно прямую спину своего слуги, его так и подмывало спросить, не носит ли тот корсет, и лишь чувство благоразумия и боязнь потерять ценного камердинера удерживали графа Саффолда от столь хулиганской выходки. Тем временем Джексон, поджав губы, распахнул дверь, и впустил в спальню огромного черного пса. Тот, радостно стуча когтями по полу, затрусил к хозяину.

– А, Министр, доброе утро! – Грегори вытянул руку и погладил по блестящей короткой шерсти.

Собака вильнула обрубок хвоста и села рядом с кроватью, преданно смотря темными грустными глазами. Грегори, прекрасно зная, что его камердинер не одобряет присутствие огромного пса в спальне, сам налил себе кофе и откинулся на подушки, наслаждаясь тишиной и спокойствием. Их нарушал только нетерпеливый стук хвоста о прекрасный пол из наборного дерева, чей узор повторяла вышивка на портьерах. Позавтракав, лорд-чародей кивнул камердинеру, показывая, что готов встать. Тот подошел, опасливо косясь на черного монстра, и забрал поднос.

– Что, Джексон, вы все не можете забыть тот случай, когда Министр решил, что вы покушаетесь на мое имущество?

– Да, милорд! – чопорно ответил тот. – Правда, к чести пса, должен заметить, что это на моей памяти единственный Министр, так бдительно охраняющий имущество хозяина.

Грегори рассмеялся:

– Я непременно передам эту шутку его величеству!

– Благодарю, милорд. – Камердинер вновь поклонился и неспешно направился к дверям, ведущим в гардеробную. – Что его светлость желает надеть сегодня?

– Хм... – Грегори задумчиво потрепал пса за ушами и внимательно посмотрел на него. – Скажи, Министр, как ты смотришь на небольшую прогулку в Королевских садах?

При слове «прогулка» пес насторожил уши и опять нетерпеливо застучал хвостом. Граф погладил его и вновь обратился к слуге:

– Костюм для верховой езды, Джексон! Министр желает размять лапы!

– Следует ли мне распорядиться насчет лошади, милорд?

– К сожалению, нет! – вздохнул тот. – У меня мало времени, его величество ждет меня к обеду. Приготовь к моему возвращению костюм из темно-зеленого бархата.

– С серебряным шитьем? – уточнил камердинер, получил в ответ недовольный кивок, вновь поклонился и вышел.

Грегори вопросительно посмотрел на пса:

– Ты заметил, что наш слуга даже кланяется с абсолютно прямой спиной? – Стук хвоста о пол усилился, лорд-чародей довольно кивнул. – Да, я так и думал. Что ж, Министр, тебе не откажешь в наблюдательности. Ну, можешь так не стучать хвостом, ты же знаешь, я не переношу с утра громких звуков.

Пес ослабил язык и вывалил язык, выдавая свое нетерпение., Грегори вздохнул и, отбросив одеяло, поднялся с кровати, на ходу надевая парчовый халат.

Часом позже он неспешно шагал по дорожкам парка, стараясь избегать широких многолучных аллей. Впрочем, многие сами предпочитали уступить дорогу самому лорду-чародею.

Министр лениво трусил рядом, иногда отбегая в ближайшие кусты. Его хозяин подозревал, что эти вояжи устраивались в поисках еды, оброненной каким-нибудь розовощекимым малышом, сопровождаемым нянькой, или же грумом, терпеливо поджидающим хозяйку с любовного свидания, но доказательств этому не было. Впрочем, Грегори волновало лишь то, что какой-нибудь недоброжелатель мог отравить пса, поэтому граф Саффолд всегда выговаривал Министру после длительного отсутствия. Тот картинно поднимал на него грустные голодные глаза и вздыхал, всем своим видом показывая, что подобная отлучка больше никогда не повторится. Вот и сейчас, пес вновь пропал так, что его пришлось несколько раз окликнуть, прежде чем он с шумом выскочил из кустов, попутно напугав юную девушку, гулявшую в сопровождении горничной.

Грегори усмехнулся и обернулся к псу:

– Вот что с тобой делать?

Пес шумно вздохнул. Лорд-чародей в который раз неодобрительно покачал головой и хотел добавить еще что-то, как вдруг нахмурился, услышав тихие всхлипы, раздававшиеся совсем неподалеку. Повинуясь рыцарскому идиотизму, просыпавшемуся в нем в самый неподходящий момент, герцог Саффолд посмотрел на пса, насторожившего уши.

– Как ты думаешь, нам стоит туда пойти?

Министр вильнул хвостом.

– Да? Ну ладно!

И, на всякий случай подготовив защитное заклинание, он решительно зашагал в сторону, откуда раздавались приглушенные рыдания.

Продравшись через кусты, Грегори вышел на поляну. Он не сразу заметил сидящую на траве девушку, которая плакала, закрыв лицо руками. На фоне раскидистого дуба она, одетая в белое платье, украшенное вышитыми веточками, напоминала модную фарфоровую статуэтку. Лорд-чародей невольно замедлил шаг, затем тряхнул головой, прогоняя морок, и запустил поисковый импульс, подозревая ловушку, подстроенную очередной ретивой мамашей, желающей пристроить чадо. Удивительно, но вокруг никого не было.

Никто не сидел в кустах или на ветках дерева, чтобы выпрыгнуть в нужный момент с криками, что присутствие первого жениха королевства бесчестит девушку. Более того, к удивлению лорда, его пес, так недоверчиво относившийся к чужим, спокойно подошел к незнакомке и ткнулся в нее мокрым носом. Она вздрогнула, отняла руки от лица и, увидев перед собой собачью морду, не стала визжать или вскакивать, а лишь обняла пса за шею, будто ища защиты.

– Извините, но это мой пес, – произнес лорд-чародей.

Министр с укором посмотрел на него, словно говоря: «Ты что, не видишь, что у человека – горе?»

– О, простите!

Девушка шмыгнула покрасневшим носом, постаралась как можно незаметнее вытереть слезы и начала подниматься, но пошатнулась и охнула. Не протяни Грегори руки, она бы рухнула обратно на траву.

– Что с вами? – непонимающе нахмурился он, аккуратно придерживая ее за плечи.

– Я, кажется, подвернула ногу... – Она виновато взглянула на мужчину огромными голубыми глазами, ярко сиявшими даже под широкими полями шляпки, обшитой голубыми и зелеными лентами. И, видя, с каким неодобрением он смотрит на ее туфли на тонком каблучке, тихо добавила: – Простите...

– За что? – удивился Грегори.

– Я нарушила ваше уединение. Наверняка вы не хотели никого здесь встретить, тем более... – Она осеклась, прекрасно понимая, что это просто неприлично, стоять вот так, когда незнакомый мужчина бережно придерживает за руки. – На самом деле, я думаю, что еще чуть-чуть посижу здесь и смогу дойти сама...

– Не говорите ерунды! – Резко оборвал он ее, почти силой усаживая на траву. – Дайте я посмотрю!

– Не стоит! Это такая ерунда! – попыталась возразить девушка. Невзирая на ее протесты, граф Саффолд снял серые перчатки из тонкой кожи и внимательно осмотрел лодыжку, уже начавшую опухать.

– Похоже, вы потянули связки, – заметил Грегори, слегка растирая руки, чтобы они стали теплыми. Магия, привычно образовавшись где-то под сердцем, заструилась по рукам, скапливаясь в подушечках пальцев. – Целительство не мое призвание, поэтому будет немного больно!

Она кивнула и лишь крепче обняла за шею Министра, который ничуть не возражал против таких вольностей. Почувствовав привычное покалывание в кистях, чародей бережно прикоснулся к лодыжке, позволяя магии исцеления перетечь туда. Он не слишком хорошо владел ею, но для такого простого случая его умений было достаточно.

Девушка вздрогнула и лишь плотнее прижалась к шелковистой черной шкуре. Было видно, что от пронзительной боли, всегда сопровождавшей скорое исцеление, у нее перехватило дыхание. Она прикрыла глаза длинными ресницами, но тут же широко распахнула их и закусила губу, стараясь сдержать стон. Грегори ободряюще сжал её тонкие пальцы.

– Сейчас все закончится, – пообещал он.

Девушка кивнула и вновь закрыла глаза, выжидая, пока боль стихнет. Затем удивленно посмотрела на ногу, на которой не осталось и следа от припухлости.

– Попробуйте теперь встать, – чародей поднялся и протянул ей руку.

Она подчинилась и сделала несколько неуверенных шагов по лужайке, затем изумленно повернулась к нему:

– Поразительно! Вы – волшебник?

– Придворный лорд-чародей граф Саффолд к вашим услугам, мисс...

Он выдержал многозначительную паузу, но девушка этого не заметила, с ужасом смотря на него огромными голубыми глазами.

– Вы – граф Саффолд? – прошептала она, слегка побледнев.

– С утра, во всяком случае, я был им.

Грегори нахмурился, гадая, чем его имя так могло напугать её.

– О, тогда, наверное, мне не стоит так долго находиться с вами наедине!

– Не думаю, что об этом кто-нибудь узнает, – сухо ответил он, слегка задетый ее словами.

Но девушка покачала головой:

– Нет, я не хочу причинять вам еще неприятности. Простите и спасибо!

Прежде чем граф успел спросить, какие неприятности она уже ему причинила, девушка почти бегом бросилась по тропинке и скрылась за кустами.

– Ну, Министр, а ты что скажешь? – Лорд-чародей внимательно посмотрел на пса. – Что ты думаешь о голубоглазых красавицах и неприятностях, которые они могут причинить мне?

Пес молчал с таким видом, будто действительно имел собственное мнение по данному вопросу. Вздохнув, Грегори свистнул, подзывая его к ноге, и зашагал к дому.

Глава 2

Феба буквально ворвалась в особняк на Грбу-сквер и вихрем взлетела на второй этаж, на ходу срывая шляпку. Всю дорогу из парка она оглядывалась, девушке казалось, что лорд-чародей будет преследовать её. Курт высунул на шум всклокоченную голову – он отсыпался после ночи, проведенной за рулеткой, пока Феба очаровывала нового гостя – и хмуро взглянул на хозяйку:

– И могу я узнать, чего ты так расшумелась?

Она покачала головой и зашла в свою комнату, но бывший денщик всегда отличался настойчивостью, особенно когда дело касалось Фебы. Хромая, он вошел вслед за ней и недовольно осмотрелся. В отличие от роскошных залов игорного дома, личные покои хозяйки дома были более чем скромными. Спальню хозяйки заведения можно было принять за комнату служанки, если бы не портьеры на окнах. Девушка села на узкую кровать и устало посмотрела на стоящего в дверях Курта:

– Ты что-то хотел?

– Всего лишь узнать, как прошла твоя встреча с Кавершемом.

Она неопределенно пожала плечами, совершенно не желая рассказывать ему ни о непристойных предложениях старого герцога, ни о том, как он прижал ее к себе, целуя слюнявыми губами, при этом одной рукой пытаясь проникнуть за корсаж платья. От него пахло старостью и болезнью. С большим трудом ей удалось вырваться из цепких старческих рук и убежать.

– Могло быть и хуже. – Она вздрогнула от воспоминаний, затем встала, решительно налила кларет в бокал, выпила и продолжила, понимая, что правду не утаишь: – Герцог предложил мне свое покровительство.

– Да? – Курт оживился. – И что ты?

Она с укором посмотрела на старого слугу, ставшего, скорее, её другом.

– Конечно, я отказала!

Феба залпом допила вино и поставила бокал на стол, Курт неодобрительно покачал головой:

– По-моему, ты делаешь глупость. Пока Кавершем настроен благожелательно, ты сможешь получить с него гораздо больше, чем если он вдруг скупит все наши долги и предложит тебе выбор: или он, или долговая тюрьма.

– Что-то мне подсказывает, что даже тогда я предпочту тюрьму, – мрачно отозвалась девушка. – Это будет надежней, чем сомнительная милость старого герцога.

– Ну и глупо! – Слуга пожал плечами и, повернувшись, направился к выходу. – У нас заканчивается кларет, надо заказать закуски, и вчера в фаро кто-то сорвал банк. Снова расходы.

– Я разберусь! – Феба устало провела рукой по лбу. – Пожалуйста, посмотри, чтобы горничные всё убрали в залах, нам скоро открывать заведение.

– И им, между прочим, тоже надо платить... – пробурчал Курт так, чтобы девушка слышала.

Она обреченно покачала головой, села за небольшой секретер, заваленный бумагами, и вновь закрыла лицо руками. На этот раз слез не было, Феба выплакала их все, когда бежала от Кавершема и подвернула ногу. Тогда было больно, а потом... Все было, как в готических романах, которые она так любила читать еще в имении мужа.

Тогда в парке огромный черный пес неслышно, словно в древних легендах, подошел к ней и ткнулся в руку холодным носом. А затем появился его хозяин. Феба легко вспомнила красивого высокого стройного мужчину, одетого по последней моде в костюм для верховой езды. Его галстук был безупречно повязан, сапоги начищены до блеска. На жилете в тонкую

белую и желтую полоску не висело ни одной цепочки с брелоками, которыми так грешили в этом сезоне все столичные модники. Он наверняка не носил корсет и не подбивал плечи фрака ватой, чтобы казаться более мужественным.

Рыжевато-каштановые волосы, вопреки моде не завитые и не напудренные, были просто стянуты черной лентой на затылке, серые глаза смотрели дружелюбно, а аристократические черты лица не портили даже резкие складки у рта. К тому же в уголках его глаз разбегались мелкие морщинки, говорившие, что граф любит посмеяться. И все же что-то в облике лорда-чародея подсказывало, что лучше не вставать у него на пути.

У Фебы не было выбора. Племянник графа Саффолда Адриан Бёрджес оказался слишком азартен и легко проигрывал значительные суммы. Благодаря этим проигрышам они с Куртом имели возможность оплатить самые срочные долги. Девушка давно привыкла думать о Курте как о члене семьи. Он был денщиком ее мужа. После выхода в отставку полковник Уитвик вернулся в свое огромное имение в северном графстве.

Отличаясь отменным здоровьем, полковник пережил двух сыновей и отчаянно нуждался в наследнике. Выбор пал на семнадцатилетнюю дочь соседней. Имея на руках шесть дочерей, они с радостью приняли сватовство богатого полковника. Так Феба оказалась замужем. Эти годы стали для нее пыткой. Муж не прекращал попытки зачать наследника, и она с ужасом каждый раз ждала его в спальне. Он не был жесток или груб с ней, но она с трудом выносила его скупые ласки, каждый раз про себя молясь, чтобы все быстрее закончилось. Затем полковник уходил, а его юная жена еще долго рыдала в подушку. В то время дни тянулись нескончаемой чередой.

Пытаясь хоть как-то отвлечь себя, она попыталась вникнуть в дела имения, но получила строгий отпор. Будучи намного старше, муж умело подавлял ее, постоянно указывая на недостатки и утверждая, что женщина не может быть умной, ибо ее удел – рожать детей. Но даже это ей не удалось, после чего она окончательно потеряла ценность в глазах полковника.

Он умер внезапно от удара, возвращаясь домой от очередной любовницы. После его смерти имение оказалось заложенным, и наследник, какой-то двоюродный племянник, не сильно жаждал видеть жену усопшего у себя в доме. Вернее, он сам был не против, чтобы Феба жила по соседству, но вот его жена, сварливая тощая женщина, категорически невзлюбила молодую красавицу-вдову.

Именно Курт предложил уехать. Привыкший за эти годы утешать и опекать девушку, он и помыслить не мог, чтобы оставить юную хозяйку в беде. Поначалу Феба сопротивлялась этой идее, прекрасно понимая, что у нее просто нет средств к сносному существованию, но после того как оказалась, словно горничная, зажатой в углу дома новым хозяином, быстро собрала вещи и поспешила покинуть дом, так и не ставший ей родным.

Дома родители ее приняли более чем холодно, считая, что уж их старшая дочь, столь удачно пристроенная поначалу, могла бы и дальше продолжать жить в имении мужа.

После бурной ссоры, вызванной требованием незамедлительно вновь выйти замуж, чтобы обеспечить приданое еще двум сестрам и оплатить очередные долги младшего брата, Феба с Куртом уехали в небольшой курортный городок, где жила ее крестная, бывшая когда-то подругой матери. После замужества дружба постепенно сошла на нет, но женщина с теплотой относилась к своей крестнице, ежегодно высылая ей на праздник Рождения Нового года кое-какие деньги.

Прикованная к инвалидному креслу, крестная оказалась на редкость веселой и добродушной особой. Её основным развлечением было устраивать карточные вечера среди знакомых. Она с удовольствием приняла крестницу, которая безропотно выполняла все поручения, а также Курта, взявшего на себя тяжелую работу. Вскоре старуха заметила, что с приездом Фебы карточные вечера стали более оживленными, к ним в дом зачастили молодые люди, очарованные блеском огромных голубых глаз.

Некоторые смельчаки даже сватались к девушке, но всегда встречали вежливый, однако твердый отказ. Одна мысль, что ей вновь придется быть с мужчиной в спальне, вызывала у Фебы животный ужас.

Дела шли хорошо, и они смогли даже накопить некоторую сумму денег, когда крестная умерла, и девушке вновь пришлось покинуть дом, сразу ставший чужим. Курт предложил попытать счастья в столице.

Путь до Лондиниума занял у них больше недели. Сначала город оглушил ее шумом и вечной суетой. Но Феба быстро привыкла.

Скромные сбережения, которые у нее были, позволили снять небольшой дом на окраине, куда Курт через своих приятелей начал потихоньку приглашать офицеров перекинуться в карты. Феба поначалу с опаской появлялась в игорных залах, но потом, заметив, что с ее появлением все начинают играть азартнее и гораздо охотнее расстаются с деньгами, стремясь произвести впечатление на молодую женщину, начала делать это чаще. Дело пошло на лад, и вскоре им пришлось расширить залы для игры, а весть о новом игорном доме разлетелась среди высшего света.

Явление самого герцога Кавершема сначала показалось просто благословением небес. Надменный сухощавый старик, в прошлом заядлый бретер, он до сих пор пользовался белилами и мушками и тщательно пудрил седые волосы, пытаясь зачесать их так, чтобы скрыть залысины на лбу. Почувствовав на себе сладострастный взгляд его глаз, полуприкрытых заплывшими веками, Феба невольно вздрогнула, но убедила себя, что ей просто это привиделось.

Однако с каждым днем Кавершем позволял себе все больше вольностей, он то задерживал ее руку, поглаживая по ладони узловатым большим пальцем, то, будто невзначай, проводил рукой по оголенному согласно моде плечу. Фебе постоянно приходилось придумывать какие-то уловки, чтобы избегать тесного общения и в то же время не рассердить столь высокопоставленную персону. Несколько раз ей пришлось сказать себя больной и остаться в комнате, несмотря на недовольное ворчание Курта.

Но герцог не отступал. Он присылал небольшие, но достаточно ценные подарки, которые девушка всегда возвращала, делал намеки и вот позвал на прогулку в Королевские сады. Первым желанием было отказаться, но как раз принесли очередную пачку счетов, и Феба, дрогнув, согласилась, считая, что парк многолюден, и герцог не посмеет сделать ничего предосудительного. Это было ошибкой.

Вообще все было ошибкой, особенно организация игорного дома на широкую ногу. Они буквально захлебывались в долгах, вдобавок вчера кто-то сорвал банк... Феба с тоской взглянула на груды счетов. Курт прав, ей давно пора подумать о будущем.

Кажется, Адриан Бёрджес всерьез интересуется ей. Милый мальчик, он знатен, богат и, что самое основное, им легко управлять. Похоже, ей все-таки придется выйти еще раз замуж. Конечно, мать Адриана будет против, но со временем смирится. Девушка с омерзением взглянула в зеркало и покачала головой: о чем она только думает! Пока не поздно, следует бежать из столицы обратно на север и устроиться работать горничной или компаньонкой, но она так устала зависеть от чьей-то прихоти. К тому же у хозяек, как правило, были мужья, сыновья, племянники... Фебе не хотелось вновь оказаться зажатой в темном углу, когда жадные мужские руки пытаются задрать юбки. При воспоминаниях об этом, брак с Адрианом казался еще более заманчивым.

Курт снова вошел, неся еду на деревянном подносе:

– Вот, поешь, а то так и просидишь до ночи, перебирая эти клятые бумажки.

Феба вымученно улыбнулась:

– Ты всегда так забавно морщишь лоб, когда начинаешь заботиться о ком-то!

Слуга недовольно смотрел, как она возит ложкой по тарелке, размазывая густую овсянку по краям.

– Ешь, пока горячая, – посоветовал он. – Поверь, это лучшее, что мы можем себе позволить, не считая шампанского и крабов в качестве легкой закуски по ночам.

Девушка улыбнулась и решительно отодвинула тарелку:

– Что ж, Курт, я подумала, что, раз наши дела так плохи, а я не люблю овсянку, мне придется опять выйти замуж!

Она постаралась, чтобы голос звучал бодро, хотя сердце сжималось при одной мысли о том, что она станет принадлежать мужчине, который волен будет сделать с ней все, что угодно.

– Вот как? – Старый слуга изумленно посмотрел на нее. – Думаешь, Кавершем пойдет на такое?

– Думаю, это будет не Кавершем. – Феба покачала головой и, вскочив, задумчиво прошлась по комнате. – Я говорю об Адриане Бёрджесе.

– Этот юнец? – Курт презрительно скривился.

– Возможно, он слишком молод, но он богат, и у него нет отца, который бы остановил его.

– Зато у него есть дядя. Или ты хочешь померяться силами с самим лордом-чародеем?

При упоминании о могущественном графе Саффолде девушка едва заметно вздрогнула и покачала головой:

– Мне кажется, он не станет вмешиваться. Насколько я поняла из слов самого мистера Бёрджеса, они с дядей не очень близки.

– Они могут быть как угодно далеки, но, говоря начистоту, Феба, ты отнюдь не самая завидная партия, и если дело коснется семейной чести...

Курт выразительно посмотрел на нее. Девушка пожала плечами:

– Ну, в таком случае, мне придется бежать с ним на север, чтобы прыгнуть через наковальню.

– Смотри, в прыжке не сломай себе шею... Впрочем, даже это будет лучше, чем ярость лорда-чародея...

– Поживем – увидим, – беспечно откликнулась Феба с уверенностью, которую не чувствовала.

Вечером она приняла Адриана более благосклонно, чем обычно. Готовясь к выходу в игорный зал, она надела лучшее платье из плотного лимонно-желтого шелка, лиф и верхняя юбка которого были вышиты райскими птицами. Тончайшие белые парижские кружева украшали рукава и глубокий вырез корсажа. Волосы девушка собрала в высокую прическу, полностью открывавшую шею, и выпустила несколько локонов на одно плечо. Серьги с фальшивыми золотистыми топазами и такое же ожерелье завершили образ. Феба старательно покусала губы и пощипала щеки, пытаясь вернуть им краски, после чего направилась к лестнице.

Адриан появился ближе к часу ночи. Увидев его в дверях, девушка улыбнулась так, чтобы юноша понял, что улыбка предназначена только ему одному. Она виновато посмотрела, будто извиняясь, что не может подойти сразу, поскольку сидела за одним из столов, держа банк.

В этот момент она казалась себе насквозь фальшивой. Юноша сам устремился к ее столу, его глаза сияли от удовольствия. Встав за спиной Фебы, он оперся на спинку ее стула так, чтобы пальцами невзначай коснуться оголенного плеча. Девушка не отстранилась, а, наоборот, чуть кокетливо подалась к нему, словно ища защиты.

Адриан торжествующим взглядом обвел зал. Столь явное внимание Прелестницы, за которой увивалась половина Лондиниума, безумно льстило его самолюбию. В мечтах он уже видел, как становится ее покровителем и снимает ей небольшое уютное гнездышко где-нибудь недалеко от своего дома. Разумеется, его мать будет недовольна, но матери на то и матери, чтобы быть недовольными. В конце концов, он уже полгода как совершеннолетний и вправе

решать все сам. Единственное, что его действительно беспокоило, это что миссис Бёрджес, в девичестве Саффолд, могла обратиться к дяде, как и в прошлый раз.

Адриан слегка робел перед лордом-чародеем, но, с другой стороны, он стал совершенно-летним, в путешествии обрел значительный опыт, так с чего бы графу Саффолду вновь вмешиваться в его жизнь. К тому же, в этом юноша был в этом абсолютно уверен, Феба совершенно другая и выгодно отличается от всех этих кокетливых хористок и танцовщиц. Он благосклонно посмотрел на девушку. Та как раз закончила сдавать карты и бросила на мистера Бёрджеса слегка виноватый, но все же кокетливый взгляд.

– Еще пять минут, и Курт сменит меня, – прошептала она так, чтобы было слышно лишь им двоим.

Адриан кивнул и принялся лениво следить за игрой.

Глава 3

После встречи в парке с таинственной девушкой, оставившей в душе непонятную смесь чувств, лорд-чародей направился к дому. Недавно установленные на башне королевского аббатства часы пробили два часа пополудни. Грегори недовольно нахмурился и ускорил шаг: встреча с незнакомкой отняла много времени, и теперь он опаздывал. Несколько знакомых на улице порывались окликнуть его, но, заметив суровое выражение лица, решили не беспокоить. Он буквально вбежал по ступеням крыльца, передал перчатки и шляпу едва успевшему подскочить лакею и поднялся по лестнице.

– Нет, Министр, – строго сказал он псу, пытавшемуся незаметной тенью просочиться в его комнаты. – К сожалению, я вынужден обойтись без тебя, иди на место!

Пес сиротливо вздохнул и, оглядываясь, – вдруг хозяин передумает? – направился к дивану, стоявшему специально для него в коридоре.

Лорд-чародей прошел в гардеробную, где верный Джексон уже приготовил один из парадных придворных костюмов. Сегодня наряд состоял из белых чулок, коротких штанов-кюлотов, застегивающихся под коленями на бриллиантовые пуговицы, жилета из атласа цвета слоновой кости и камзола, по крою напоминавшего военный мундир, богато украшенный серебряной вышивкой. Расправив пышное жабо и манжеты на рукавах рубашки, Грегори небрежно перекинул через плечо серебряную португую, к которой полагалась дворцовая шпага, заботливо поданная Джексоном.

– Милорд изволит припудрить волосы?

Слуга спрашивал это каждый раз, и каждый раз получал отрицательный ответ. Граф Саффолд терпеть не мог пудру. Поначалу его злила такая настойчивость, и он огрызался, теперь же, по прошествии многих лет, Грегори получал какое-то удовольствие от вопроса, ставшего ритуалом при сборах в королевский дворец.

– Его величеству это не понравится.

Джексон неодобрительно посмотрел на отливающую медью шевелюру хозяина, всегда выглядевшую так, словно он только что побывал на улице, где сильный ветер.

– В таком случае он может найти себе другого чародея, – рука графа замерла над ларцом с украшениями.

Слегка подумав, он выбрал родовой перстень с крупным негранёным изумрудом, затем из меньшего ларца достал странное кольцо из черного, неровного, будто вспененного металла с вкраплениями зеленых топазов – мощный артефакт, защищавший владельца от ядов и магических влияний.

– Пожалуй, этого будет достаточно...

Хоть Саффолд и говорил сам с собой, камердинер кивнул. Ему всегда нравилась в хозяине этакая лаконичная небрежность. В отличие от большинства молодых хлыщей, мнивших себя завзятыми модниками, его светлость никогда не позволил бы себе увешаться украшениями, словно вечнозеленое дерево накануне праздника Рождения Нового года.

– Ну что же, Джексон, вот я и готов отправиться в змеиное гнездо.

Грегори холодно взглянул на отражение в огромном зеркале и едва заметно нахмурился.

– Одну минуту, милорд.

Слуга, совершенно правильно истолковав его взгляд, наклонился и протер платком бриллиантовые пряжки на туфлях, после чего подал трость, украшенную лентами. Грегори коротко кивнул и направился к лестнице. Министр проводил его грустным взглядом, подождал, пока хозяин исчезнет из виду, лапой открыл дверь в гардеробную и направился туда в надежде, что, выгоняя из святая святых, Джексон будет подкупать его печеньем.

В карете мысли Грегори невольно вернулись к таинственной незнакомке. Он никогда не видел ее раньше, следовательно, она не принадлежала к высшему обществу, но в ней не было вульгарности, так присущей дочерям нуворишей-негоциантов. Её платье и обувь выглядели дорогими, а речь казалась правильной, хотя, если прислушаться, можно было различить слегка раскатистое «р», присущее уроженцам северных графств.

Воспоминания о бескрайних вересковых пустошах навевали и ее темные волосы, алебастрово-белая кожа и огромные голубые глаза, в которых он заметил усталость и грусть. Девушка не показалась ему трусихой или кокеткой, но, тем не менее, предпочла скрыться, как только узнала, кто он. Знание человеческой природы подсказывало лорду-чародею, что она действительно испугалась, и этот страх не был связан с теми слухами, которые окружали его.

Слухи... они стали частью жизни Грегори с тех самых пор, когда его дар проявился. Поначалу его злил шепот за спиной, охранные знаки, сложенные украдкой, и люди, слишком поспешно уступающие ему дорогу. Потом он привык и сейчас даже получал некое удовольствие, наблюдая, как нынешний премьер-министр при виде него украдкой крутит пальцами неприличный жест, призванный отвести злую магию. На прошлый праздник Рождения года Грегори даже послал министру в подарок небольшой амулет от злых чар, с усмешкой представляя, как вытянется и без того лошадиное лицо этого брюзги.

Мысли вернулись к таинственной незнакомке. Может быть, стоило отдать приказ разыскать ее? Исключительно с целью узнать о самочувствии. Граф Саффолд усмехнулся. Кого он пытается обмануть? Ему просто хочется видеть девушку еще раз, полюбоваться ее выразительными глазами, может быть пригласить прокатиться в парке на фаэтоне. На этом лорд-чародей недоволен нахмурился. Голубоглазая незнакомка была не из тех женщин, с кем можно приятно провести время, а потом легко расстаться. Женитьба не входила в планы графа. Пока что.

Карета остановилась. Лакей проворно распахнул дверцу. Граф Саффолд вышел и, придав лицу соответствующее выражение почтительной скуки, вошел в королевский дворец. Разумеется, лорд-чародей мог явиться порталом, но тратить силы понапрасну не хотелось.

Небрежно опираясь на трость, Грегори шагал по зеркальной галерее, изящно раскланиваясь с немногочисленными пока еще придворными. Лакеи подчеркнуто почтительно распахнули двери в приемную. Мельком взглянув на них, лорд-чародей усмехнулся и вошел в комнату, в которой за огромным столом сидел невысокий человек, одетый в военный мундир. Волосы сидящего были тщательно напудрены, но на лице не было белил, а из украшений на руке сверкал перстень, подаренный лично его величеством. Грегори знал, что этот перстень является мощным защитным артефактом, поскольку сам зачаровывал камень. Услышав скрип дверных петель, человек поднял голову и посмотрел на входящего пронизательными карими глазами. На его тонких губах промелькнула улыбка:

– Грег, наконец-то, я уж тебя заждался!

– Мой дорогой Майлз! – Граф подошел и протянул руку, обменявшись с другом крепким рукопожатием. – Ты не находишь, что некоторые слуги его величества полны суеверий и предубеждений?

– Надеюсь, этот камень не в мой огород?

Майлз О'Хара, уже который год бессменный секретарь его величества, неодобрительно посмотрел на лорда-чародея, который, небрежно отодвинув бумаги, присел на край стола.

– Ну что ты! – Грегори поболтал ногой, любуясь, как переливаются бриллианты на пряжке туфли. – Я говорю о лакее за дверью. Только что этот тупица сложил неприличный жест, полагая, что это защитит его от моего дурного глаза!

– Прикажешь его высечь? – Майлз уныло посмотрел в сторону галереи.

– Высечь? Фи, мой друг, как это пошло! – Лорд-чародей щелчком взбил кружевные манжеты. – К тому же тогда бедняга точно будет уверен, что это происки моей дурной магии. А

мне не нужны слухи. Лучше убери его с глаз его величества: не ровен час, он начнет крутить дули при иностранных посллах.

– Как скажешь, все равно он решит, что это твоя магия, – усмехнулся О’Хара, вновь сел на стул и потянулся за одной из папок. – Кстати, о посллах. Посольство из Гишпании прибывает через три дня.

– Зачем? – Грегори шелкнул пальцами, усиливая стандартную магическую защиту от прослушивания.

Вступив на должность, он месяц буквально прожил во дворце, доводя систему, созданную еще его предшественником, до совершенства.

– Официально – обсудить возможность помолвки наследника с одной из дочерей гишпанского короля.

– А настоящая причина?

– Не поверишь, но она и есть: Гишпания слишком обеспокоена ослаблением королевской власти в Паризьенне, Луис слаб, а его Каті-Генриётта думает лишь об украшениях и своей игрушечной ферме. Все опасаются революции, которая Бог весть чем закончится!

– Да, это было бы весьма неприятно, – согласился Грегори. – Мне стоит обсудить это с его величеством?

– Он ждет тебя, но не думаю, что сможет добавить что-то еще. Грег, он чем-то сильно обеспокоен!

– Хорошо! – граф Саффолд поднялся и небрежным движением поправил шпагу. – Надеюсь, беспокойство не испортило ему настроения?

– Не знаю, но думаю, он рассердится, как только увидит твою рыжую голову! – Майлз вновь уткнулся в бумаги. – Мне сказали пускать тебя незамедлительно и без доклада, так что можешь войти!

Лорд-чародей кивнул и прошел в соседний кабинет, белые стены которого были обильно украшены сусальным золотом. Оно сверкало повсюду: украшало лепку стен, обрамляло полотна картин, даже статуэтки непропорционально огромных пухлощеких младенцев с крыльями, призванные осыпать из рога благоденствия хозяина покоев, были покрыты им полностью.

Его величество, немолодой человек с вечной складкой на лбу, подтверждающей, что он много времени проводит в раздумьях, сидел за столом из красного дерева. При виде вошедшего лорда-чародея он отложил папку и откинулся на спинку кресла:

– А, Саффолд! Вы как всегда пунктуальны!

– Ваше величество!

Граф поклонился и подошел к столу, с опаской поглядывая на огромную люстру с подвесками из горного хрусталя. Ему почему-то казалось, что в один прекрасный день крюк в потолке не выдержит, и люстра рухнет на головы.

– О’Хара уже рассказал вам о гишпанцах?

– О гишпанцах?

Лорд-чародей с должным интересом посмотрел на хозяина кабинета. Тот хмыкнул:

– Бросьте, Саффолд! Будто я не знаю, что вы прибыли на четверть часа раньше и уже переговорили со своим другом!

– Ваша пронизательность меня восхищает! – Грегори склонил голову, пряча по-мальчишески дерзкую улыбку.

Король отмахнулся:

– Мое положение обязывает угадывать такие вещи. Так что вам рассказал мой дорогой – во всех смыслах этого слова – секретарь?

– Что нам стоит ожидать гишпанских послов. Полагаю, их разместят в зеленых покоях? Мне следует предпринять что-то по данному поводу?

Его величество покачал головой:

– К сожалению, они предпочитают жить у себя в посольстве.

Лорд-чародей бросил на короля быстрый взгляд и лениво протянул:

– Вот как?

– Да, мой дорогой. Более того, они уже слышаны про вас и настаивают, чтобы вы были отстранены от участия в переговорах.

Граф Саффолд выжидающе молчал, его величество помедлил, внимательно рассматривая стоящего перед ним мужчину, затем продолжил:

– Я отказал им. Но гарантировал, что вы не будете вмешиваться в переговоры с помощью магии.

– Разумеется, – едва заметно выдохнув, Грегори поклонился.

Отстранение его от участия в таких переговорах в умах многих придворных означало бы опалу, а лорду-чародею очень не хотелось, чтобы особо рьяные неприятели ночью начали бить ему окна камнями.

Король, по всей видимости, тоже думал об этом.

– Тем не менее этот союз нам весьма выгоден со всех точек зрения.

– За исключением магии, – мягко поправил его лорд-чародей. – Их школа основана на слишком древних обрядах...

– Которые включают в себя целомудрие мага, – хохотнул его величество.

Грегори скривился:

– Ну, это, положим, не основное... во всяком случае, мне придется слегка повозиться, они наверняка усилят магическую защиту от чтения эмоций и прослушивания в посольстве... Придется задействовать шпионов, а люди, как нам всем известно, болтливы... Тем более всех, кто попадет в посольство будут проверять гишпанские маги...

Он потер рукой затылок, слегка ероша волосы и массируя шею, как делал всегда в период глубоких раздумий. Король кивнул, подтверждая эту догадку.

– Не подведите меня, Саффолд, – тихо произнес он. – От этого союза будет зависеть очень многое.

– Да, ваше величество.

Дождавшись покровительственного взмаха руки, чародей вышел в приемную. Он не стал разговаривать с Майлзом, занятым с каким-то офицером, лишь обронил прощальное: «Встретимся позже», – и направился к выходу. Глядя на плотно сжатые губы и зло сверкающие глаза лорда-чародея, все спешили уйти с дороги как можно быстрее.

Карету подали незамедлительно. Грегори буквально вскочил в нее, сам захлопнул дверцу и стукнул тростью в потолок, подавая сигнал кучеру трогать.

Все еще хмурясь, он вошел к себе в дом. Лакей, забрав у господина трость и перчатки, поспешил ускользнуть с глаз долой, за что раздраженный хозяин мысленно обозвал его трусом.

Пожинав в компании верного Министра, его светлость обрел свое обычное расположение духа. Он не сомневался, что за требованиями гишпанского посольства отстранить его от переговоров стоит его вечный соперник – премьер-министр Титус, закостенелый и твердолобый, невзлюбивший лорда-чародея с самого первого появления при дворе.

Позже их конфронтация усилилась, когда граф увел любовницу из-под носа герцога Кавершема, покровителя и дальнего родственника Титуса. И вот теперь они решили отомстить. Что ж, если они хотят поиграть...

Дав себе слово непременно разобраться с врагами, Грегори, задумчиво перебрав приглашения на каминной полке, решил поехать на бал по случаю помолвки какого-то мистера Равенскара со старшей дочерью лорда Бишопа. Ее представляли ко двору в прошлом сезоне. Белокурое воздушное создание, по своей наивности имевшее на него виды. Кажется, он был

с ней непозволительно груб... Или это была другая хорошенькая глупышка? Он не стал вспоминать.

Дожив до тридцати с небольшим лет, Грегори до сих пор являлся предметом вождения амбициозных родительниц и не раз признавался, что прекрасно понимает, что чувствует олень, на которого ведется гон сворой собак.

– Это так неудобно – ходить на помолвки, – чуть позже пожаловался он верному Джек-сону, скармливая собаке с рук очередную галету. – Все обязательно подходят и многозначительно спрашивают: «Ну, когда же ты?»

– Да, милорд, в этом плане ходить на похороны гораздо более спокойно, – отозвался слуга.

Граф бросил на него быстрый взгляд, но камердинер стоял с абсолютно невозмутимым видом.

– Какая интересная точка зрения... – с сомнением в голосе протянул Грегори. – Но ведь никто не умирает! Я же не могу сидеть дома и ждать этого печального события?

– Конечно, милорд!

– И потом, туда обязательно надо надевать черное. Хотя, следует признать, черное мне к лицу. – Он слегка задумался. – Знаешь, что, Джексон, я, пожалуй, закажу себе черный камзол! Это будет необычно!

– К тому же вы будете подготовлены, если кто-то внезапно умрет! – меланхолично заметил камердинер.

– Черт возьми, ты прав! – Граф отдернул руку. – Министр! Будь аккуратнее! Можно подумать, я не знаю, что ты вступил в сговор с моим камердинером и уже получил печенье!

Пес тяжело вздохнул и, преданно глядя на хозяина, завилял всем задом, явно намекая, что такая преданность должна быть вознаграждена.

– У этого животного абсолютно нет чувства меры, – пожаловался лорд-чародей.

– Как и у всех его тезок, милорд! – кивнул Джексон.

Граф одобрительно посмотрел на него:

– Ты абсолютно прав.

Глава 4

Для Фебы дни неслись один за другим. Опасаясь новой встречи с лордом-чародеем, она не ходила больше в Королевские сады, предпочитая прогуливаться по знакомым улицам. Девушка не опасалась, что граф Саффолд нанесет им визит в игральный дом; Адриан ей рассказал, что его дядя, не желая быть обвиненным в шулерстве путем колдовства, никогда не играет в азартные игры.

Претворяя план в действие, Феба чувствовала омерзение к самой себе. Особенно когда она очень тщательно выпрашивала избранника и его друзей о семье, в которую планировала войти, чтобы понять, кто может помешать ее намерениям. Адриан охотно рассказывал обо всем, радуясь, что Прелестнице интересна его жизнь.

Миссис Бёрджес была охарактеризована сыном как недалекая особа, постоянно трясущаяся над единственным отпрыском. Рассорившись с родственниками со стороны усопшего мужа, она не поддерживала с ними никаких связей, гордо отворачиваясь даже на великосветских приемах и балах. Другое дело – ее младший брат по отцу, лорд-чародей его величества.

После рассказов Адриана и его друзей воображение рисовало Фебе весьма зловещую фигуру. Заносчивый, себялюбивый, никогда не думающий о чувствах других и не считающийся ни с кем, кроме самого себя и еще, пожалуй, своего черного пса, названного Министром в пику премьер-министру лорду Титусу.

Племянник побаивался графа Саффолда, предпочитая по возможности избегать с ним встреч, но в то же самое время уверял ее, что дядя вряд ли будет утруждать себя, вмешиваясь в его личную жизнь. Однако Феба, вспоминая встречу с лордом-чародеем, почему-то была уверена, что тот, узнав о происходящем, предпримет все, чтобы оградить Адриана от ее порочного влияния.

Сам юноша тем временем становился все более настойчивым. Уже пару раз он срывал украдкой поцелуй с ее губ. Когда это произошло в первый раз, Феба оцепенела, с трудом скрывая охватившее ее отвращение. Она отшатнулась и убежала, сославшись на неотложные дела. Второй раз все было гораздо хуже. Адриан завел ее в нишу, где их никто не видел, и, буквально вжав в стену, склонился к ее лицу. Его губы были влажными и пухлыми, они очень настойчиво скользили по ее плотно сжатым губам, и ей пришлось приоткрыть их. Язык Адриана тут же скользнул между ее зубов, и она, не сдержавшись, с силой оттолкнула юношу так, что он почти вылетел в зал. Правда, Феба тут же извинилась, и он приписал ее поведение скромности характера.

– Ты уж определись, что ты хочешь, – проворчал Курт, когда девушка рассказала ему об этом инциденте.

Дело близилось к рассвету, и они вдвоем сидели в зале, проводив последнего посетителя и отпустив лакеев, разносивших ночью напитки и еду. Как всегда после игры, вокруг царил хаос: несколько стульев было опрокинуто, сукно с одного из столов сорвано, всюду валялись клочки бумаги и потрепанные карты. Фебе подумалось, что этот беспорядок как ничто другое отражает состояние её души.

– Ты же знаешь, что у меня нет выбора. – Она приложила пальцы к вискам. Голова разболелась то ли от бессонной ночи, то ли от постоянных размышлений. – Вчера я узнала, что Кавершем начал скупать наши долги.

– Иди ты! – присвистнул вояка. – Видно, ты его крепко зацепила!

– Не я, а мой отказ, – поправила его девушка. – Он не привык, чтобы ему говорили «нет» такие, как я.

– Тогда он плохо знает женщин.

– Напротив, он знает их слишком хорошо.

– И что ты теперь будешь делать?

– А что мне остается? Мы слишком потратились, организовывая это дело, и сейчас у нас просто не хватит денег, чтобы выкупить закладные. Поэтому мне остается лишь одно – ускорить события. – Она медленно встала и посмотрела на верного слугу. – Надеюсь, ты мне поможешь?

– Разумеется. – Курт тоже поднялся и, хромя больше обычного, сказывалась напряженная бессонная ночь, подошел к одному из опрокинутых стульев. – Ты же знаешь, малышка, что я тебя не брошу. Иди отдохни, я сам разберусь с этим беспорядком.

Феба признательно улыбнулась и вышла.

Выспаться ей не удалось, вскоре после полудня приехал Адриан, который приобрел новую пару гнедых рысаков и непременно хотел опробовать их, покатавшись с Фейбой в парке. Девушка, чувствуя себя совсем разбитой, попыталась сослаться на неотложные дела, но мистер Бёрджес не принимал никакого отказа. Она очень бледна, и свежий воздух пойдет ей на пользу, уверял он. Феба, панически боявшаяся лошадей, кинула вопросительный взгляд в сторону Курта, но тот лишь неопределенно пожал плечами, как бы говоря, что если уж она вознамерилась охотулять этого мальчишку...

– Хорошо, я схожу за шляпкой и перчатками, – почти раздраженно произнесла она, вставая и направляясь в свою комнату.

Адриан тоже вскочил, собираясь на улицу.

– Только не задерживайтесь, моя дорогая! – прокричал юноша вслед. – Иначе лошади застоятся!

Выйдя из дома, Феба озабоченно посмотрела на темные облака, закрывавшие солнце. Она хотела вернуться, чтобы взять шаль, но Адриан ей этого не позволил. Он уже сидел на козлах, еле сдерживая огромных гнедых рысаков, показавшихся Фебе просто чудовищами. Вздыхнув, девушка весьма неохотно устроилась рядом с ним, и грум отпустил лошадей. Рысаки рванули вперед так, что сидящих в фаэоне буквально откинуло на спинку сидения.

– Адриан, осторожнее! – истерично вскрикнула Феба, хватаясь за край фаэтона. – Так мы точно перевернемся!

Юноша не ответил, слишком сосредоточенный на том, чтобы проскочить перекресток. Феба же была так напугана, что даже не сообразила закрыть глаза.

С трудом разминувшись со встречными экипажами, они пролетели весь квартал и въехали в парк. Здесь гнедые слегка успокоились и помчались по дорожкам широкой размашистой рысью. Адриан гордо посмотрел на спутницу, явно ожидая восхищения по поводу его манеры управлять лошадьми, но Феба молчала, опасаясь, что может сорваться и наговорить лишнего. Она боялась, что выдаст себя, но юноша понял ее молчание по-своему:

– Малышка, ты испугалась?

Он попытался перехватить вожжи одной рукой, чтобы второй ободряюще обнять девушку за плечи, но она отстранилась и с раздражением воскликнула:

– Бога ради, Адриан! Следи, пожалуйста, за дорогой!

– Думаешь, я не смогу справиться с лошадьми? – насупился он.

Феба лишь покачала головой, чувствуя себя на грани истерики.

Они неслись по дорожкам, вызывая недовольные взгляды тех, кто прогуливался в парке. Девушка уже сто раз пожалела, что поддалась уговорам. От тряски у нее вновь разболелась голова, вдобавок солнце, до этого момента ярко светившее в небе, спряталось за облака, а ветер усилился, заставляя девушку дрожать от холода. Фаэтон то и дело подпрыгивал на ухабах, и Феба не могла даже обхватить себя руками, чтобы согреться, в противном случае она рисковала вылететь из экипажа.

Адриан, прекрасно понимая, что ему не удалось произвести то впечатление, на которое он рассчитывал, насупился и обиженно засопел. Он резко развернул лошадей, едва не

задев экипаж, едущий за ним следом. Лицо пожилого господина, сидящего там, показалось ему смутно знакомым. Юноша хотел было извиниться, но кучер начал шумно обсуждать манеру Адриана управлять экипажем и выразил сомнение в его способности справиться даже с ослом. Тот хотел было ответить, но Феба, утомленная этой прогулкой, воскликнула:

– Адриан, да успокойтесь вы! Не хватало еще вам спорить со слугами! Просто проигнорируйте этого мужлана и отвезите, наконец, меня домой!

Ее голос звучал очень высоко и истерично, что не укрылось от пожилого господина. Он внимательно посмотрел на девушку, словно стараясь запомнить её.

Сжав губы, юноша вынужден был подчиниться и направил лошадей в сторону Гроусквер. В напряженном молчании они доехали до дома Фебы. Не дожидаясь помощи, девушка буквально выпрыгнула из фаэтона и поспешила в дом, даже не предложив зайти, впрочем, Адриан был слишком занят, пытаясь удержать разгоряченных лошадей.

– Что у тебя случилось? – поинтересовался Курт, когда, Феба, кутаясь в теплую шаль, наконец вышла из спальни, чтобы попросить принести ей горячего чая.

Слегка поколебавшись и проверив, не следят ли за ними слуги, Феба зашла в его комнату, где запах виски смешивался с запахом табака, и, присев за колченогий стол, начала рассказывать о своих злоключениях.

– Да-а-а-а, – протянул старый денщик. – Ты уверена, что все еще хочешь за него замуж?

– У меня нет выбора, – тихо сказала девушка. – Адриан – единственный, кого можно вынудить сделать то, что мне надо.

– А что потом? Он молод и быстро не умрет.

– Наверняка я скоро ему надоем, и он заведет себе любовницу. – Феба пожалала плечами. – Во всяком случае, я постараюсь внушить ему эту мысль.

Курт с каким-то странным выражением лица посмотрел на нее:

– Знаешь, дорогуша, кажется, я начинаю тебя бояться.

В ответ она лишь тяжело вздохнула.

Вечером Адриан не пришел. Его друзья, заглянувшие, как обычно, ближе к трем часам утра, заявили, что он отправился не то домой, не то на бал к Ватб. Не пришел он и на следующий день. Это заставило Фебу нервничать, она то и дело посматривала на входную дверь в надежде, что юноша все-таки появится. Это не осталось без внимания герцога Кавершема.

– Вы кого-то ждете, моя дорогая? – ласково поинтересовался он, покровительственно поглаживая девушку по тыльной стороне ладони.

Она тут же одернула руку и холодно взглянула на герцога:

– С чего вы взяли?

– Вы так внимательно смотрите на двери... неужели ваше маленькое сердечко похитил этот юнец Бёрджес?

Феба заставила себя беззаботно улыбнуться, но вскоре вновь украдкой взглянула на входящих. Адриана среди них не было. Она перевела встревоженный взгляд на Курта, тот незаметно для остальных мотнул головой...

– Кстати, Прелестница, не уделите ли вы мне несколько минут? – продолжал Кавершем, его голос звучал слишком ласково.

– Да, конечно. – Подавив нехорошие предчувствия, Феба отошла от стола, за которым шла игра в роббер по-крупному, и внимательно посмотрела на старика. – Я вас слушаю!

Он поцокал языком:

– Нет, дорогая, не здесь! Мой вопрос следует решать в более уединенном месте.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Следуйте за мной, ваша светлость!

В сопровождении герцога она прошла через зал, вышла в холл и открыла дверь, ведущую в небольшой кабинет, предназначенный для приватной игры. Кавершем зашел первым, Феба последовала за ним, на всякий случай оставив дверь приоткрытой.

– Я вас слушаю, – повторила она, зажигая несколько свечей, стоявших на круглом столе, и выжидающе посмотрела на герцога.

Тот достал небольшую пачку бумаг, перевязанную лентой, и продемонстрировал её девушке:

– Как вы думаете, моя дорогая, что это?

– Письма?

– Скорее расписки... ваши долговые обязательства...

Сердце Фебы подпрыгнуло, а затем заколотилось. Словно со стороны она услышала свой на удивление спокойный голос:

– Вы скупили их?

– Разумеется.

– Зачем? – глупый вопрос, но слова сами сорвались с губ.

Кавершем снисходительно улыбнулся:

– А вы не догадываетесь? Моя милая, теперь вы должны мне около пяти тысяч фунтов!

– И вы решили потребовать возврат долга? – Феба невольно побледнела.

– Вы проницательны. Впрочем, как вы понимаете, я готов забыть и ваш долг, и гм... то маленькое недоразумение, что произошло между нами в парке, в обмен на вашу благосклонность.

Кавершем выразительно посмотрел на нее. Девушка прикусила губу, судорожно пытаясь придумать хоть что-то. Пять тысяч! Откуда? У нее не было таких денег. Даже если она сейчас продаст все имущество и украшения, которые лежат в ящике ее стола, денег все равно не хватит.

– Дайте мне неделю, – наконец выдавила она.

– Думаете, за это время что-то изменится? – насмешливо протянул герцог. – О, можете не смотреть так на меня, дорогая, я прекрасно осведомлен о вашем положении!

– Конечно, – уязвленно воскликнула девушка. – Именно поэтому вы и скупили все расписки!

– Все? – Он делано рассмеялся. – Это только часть, моя дорогая. Впрочем, если вы будете благоразумны, я, возможно, все-таки выкуплю их все!

Феба закрыла глаза, стремясь скрыть отчаяние.

– Дайте мне несколько дней, и я расплачусь, – повторила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Кавершем задумчиво посмотрел на стоящую перед ним девушку. Взгляд серых водянистых глаз скользил по ее телу, словно срывая одежду. Впившись ногтями в ладони, Феба стояла очень прямо, стараясь не выдать испуг. Герцог усмехнулся и облизнул губы, словно предвкушая изысканное блюдо.

– Хорошо, я не думаю, что вы сможете найти нужную сумму, но в знак серьезности моих намерений я буду снисходителен к вашей просьбе, – наконец сказал он. – Я даю вам неделю. Ровно через семь дней я жду вас в своем особняке, иначе пущу эти бумаги в ход!

Он вышел, девушка буквально на ощупь добралась до одного из стульев и рухнула на него, закрыв лицо руками.

Глава 5

Грегори вернулся с прогулки с Министром в самом прекрасном расположении духа. Его настроения не могло испортить даже яркое солнце, от которого на белоснежной коже лорда-чародея обычно появлялись веснушки. Возможно, потом их придется выводить, иначе граф Саффолд становился похож на мальчишку, но сейчас его светлость искренне наслаждался пригожим днем.

В парке начинали цвести розы и жимолость. Тонкий сладкий аромат кружил голову, и лорду-чародею вдруг захотелось подарить кому-нибудь цветы. В памяти внезапно возникла та девушка с огромными голубыми глазами. Она будто испарилась тогда. Интересно, где она живет? Он прислал бы ей букет оранжево-красных роз, а лучше – незабудок, которые так подходят к цвету ее глаз.

Движимый этими благостными порывами, граф, мурлыкая себе под нос незамысловатую деревенскую песню, поднялся по ступеням особняка и вошел в дом. От него не укрылось, что Министр глухо зарычал и направился в сторону библиотеки, из которой доносился высокий голос старшей сестры Грегори. Лорд-чародей поморщился, он не любил Дебору, и она платила ему той же монетой. Их разница в возрасте была слишком значительной, и, когда Грегори еще делал первые шаги в платьицах-распашонках, сестра уже начинала выезжать на балы.

Их невольное сближение произошло после смерти её супруга, мистера Бёрджеса, которого она выбрала в мужа вопреки желаниям семьи. Жених был богат, но старый граф Саффолд считал, что его дочь могла бы предпочесть кого-нибудь познатнее. Тем не менее Дебора проявила почти возмутительную твердость и добилась своего. Насколько Грегори знал, сестра долгое время была счастлива в браке. Из троих детей выжил лишь Адриан, а потом муж Деборы скоропостижно скончался от лихорадки, указав в завещании одним из опекунов графа Саффолда.

По всей видимости, завещание писалось очень давно, и мистер Бёрджес имел в виду отца своей жены, но тот умер годом ранее. Так Грегори, сам еще желторотый юнец, оказался опекуном восьмилетнего племянника. Дебора же накинулась на брата, считая, что тот в силу своего высокого положения и способностей просто обязан заменить Адриану отца.

Вынужденный несколько раз на дню выслушивать претензии сестры, юный граф Саффолд не выдержал и недели, в достаточно резких выражениях заявив, что не имеет ни малейшего намерения воспитывать юного шалопаю, избалованного матерью-наседкой. Это послужило причиной ссоры, продолжавшейся несколько лет. Отношение к Адриану слегка изменилось, когда его величество справедливо заметил уже первому лорду-чародею, что с такой любовью Грегори к вольной жизни юный Бёрджес останется единственным наследником графа Саффолда.

Разумеется, король желал лишь подтолкнуть лорда-чародея к женитьбе, но замечание возымело противоположный эффект: Грегори всерьез занялся возможным наследником. И, хотя время было упущено, все-таки он смог обуздать парня и не без оснований надеялся сделать из него приемлемого джентльмена. Конечно, Дебора постоянно жаловалась на сомнительные компании, окружавшие ее ангельское чадо, но Грегори прекрасно помнил собственную молодость. Ему пришлось серьезно вмешаться лишь полгода назад, когда Адриан воспылил страстью к какой-то дешевой певичке.

Хористка получила отступные, а незадачливый герой-любовник был отправлен в путешествие, из которого вернулся, как надеялся его уже бывший опекун, поумневшим. Тем страннее был визит сестры сегодня.

Недовольно нахмурившись, лорд-чародей направился на звук голоса. Дворецкий, как раз выходявший из библиотеки, почтительно поклонился и виновато посмотрел на хозяина.

– Прошу прощения, милорд, – негромко произнес он. – Но мадам настаивала...

– Я так и понял. Принесите мне херес, а моей сестре... Что там она любит?

– Вишневый ликер.

– Тогда его, но немного, не думаю, что она задержится надолго, – кивнул Саффолд, входя в библиотеку.

Министр просочился следом. Невысокая грузная женщина стояла у книжных шкафов. Ее некогда красивое, а ныне слегка дряблое, но тем не менее накрашенное лицо кривилось от недовольства. У губы красовалась мушка, которой Дебора обычно прикрывала бородавку. Волосы были тщательно уложены и напудрены, Грегори подозревал, что так сестра прячет седину. Платье темных тонов пошито с большим вкусом, который всегда отличал миссис Бёрджес.

– Здравствуй, Дёбби! – окликнул ее лорд-чародей. – Чем на этот раз вызвано твое недовольство?

– Ты переставил книги!

Указующий перст руки, затянутой в перчатку, был направлен на позолоченный корешок.

– Да, ведь это – мои книги.

Грегори явно забавляло смущение, проступившее на ее лице.

– Но, Грег... – уже более робко возразила Дебора. – Папа...

– Мертв уже лет десять. Мне как-то неловко тревожить его, чтобы спросить разрешение, если ты на это намекаешь...

Она демонстративно поджала губы, показывая свое отношение к его шуткам дурного тона, и тут ее взгляд упал на Министра. Дебора взвизгнула и отшатнулась:

– Опять это животное! Грегори, зачем ты привел его сюда?! Ты же знаешь, что я боюсь собак!

– Именно поэтому и привел, – отозвался ее бесчувственный брат. – Иначе ты битый час будешь рассказывать мне сначала о своих болячках, затем о достоинствах твоего обожаемого сына и лишь потом перейдешь к сути. Так что на этот раз?

– Это Адриан, – простонала Дебора, поднося к глазам кружевной платок с вышитой монограммой. – Он теперь завсегдатай игорного дома на Гроу-сквер!

– Игорный дом на Гроу-сквер? Это что-то новое... – Грегори задумчиво покрутил кольцо с изумрудом. – И много он проиграл?

– Откуда я знаю! – патетически воскликнула Дебора, падая в кресло, которое жалобно скрипнуло. – Самое страшное, что этот игорный дом принадлежит какой-то девке! И мой мальчик в нее влюбился!

– Что за чушь! – воскликнул Саффолд. Он подошел к двери, желая убедиться, что слуги не слышат, и на всякий случай запер её заклинанием. – Адриан не мог...

– Говорят, она его охмурила, – перебила его Дебора, убирая платок в ридикюль, висевший на полной руке. – Он проводит там каждую ночь. А недавно их видели вдвоем в Королевских садах.

– Даже так? – Нахмурившись, лорд-чародей подошел к окну и посмотрел на улицу.

Яркое солнце заставило его недовольно поморщиться. Он устало потер затылок, привычным жестом разминая мышцы. Его сестра затаила дыхание, гадая, что же сейчас происходит в голове брата.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Завтра я поговорю с Адрианом.

Холодно поклонившись Деборе на прощание, он открыл дверь и вышел. Пес, на всякий случай гавкнув и вызвав очередной женский истеричный вопль, с довольным видом кинулся следом за хозяином, чуть не сбив дворецкого, несущего поднос с напитками.

Задумчивость не покидала лорда-чародея, ни когда он собирался в королевский дворец, ни когда уже сел в карету. Грегори не мог понять, что нашло на юного дуралея. Допустим,

девушка действительно хороша собой, но ведь он сам объяснил Адриану правила игры. В конце концов, если мальчишке было так неважно, он мог сделать её любовницей и водить на маскарады. Но выставлять себя напоказ с ней в Королевских садах... Это невыносимо!

Все еще размышляя о семейных делах, Грегори вышел из кареты и поднялся по ступеням королевского дворца.

Пройдя в приемную, граф приветливо махнул рукой другу и, не дожидаясь, когда о нем доложат, подошел к дверям, немедленно распахнутым перед ним лакеями. На этот раз его величество слушал доклад премьер-министра, стоявшего перед монархом навтыжку.

При звуке открывающихся дверей оба недовольно посмотрели на вошедшего, но если король сразу же улыбнулся и приветливо кивнул, то премьер-министр не скрывал недовольства такой фамильярностью графа Саффолда. Он никогда не понимал, что именно находит их сюзерен в этом мальчишке, славившемся дерзостью и отсутствием куртуазных манер. Даже на прием к королю граф осмелился прийти, не напудрив волосы, неслыханная дерзость! Более того, все больше молодых людей, даже сыновья самого премьер-министра, подражали этому нахалу.

Впрочем, каков отец, таков и сын. И лорд Титус до сих пор не мог понять, почему рыжеволосая своенравная красавица Кларисса предпочла тогда выйти замуж за Лобуренса Саффолда, принеся мужу, помимо своей красоты, еще и солидное приданое в размере двухсот тысяч.

– Ваше величество!

Их отпрыск, живое напоминание давнего поражения Титуса, тем временем поклонился королю и холодно кивнул премьер-министру.

– А, Саффолд, вы вовремя, входите! Впрочем, вы уже вошли! – Монарх милостиво кивнул и махнул рукой, подзывая лорда-чародея ближе. – Мы с лордом Титусом обсуждаем, что делать с игорными домами, которые растут, словно грибы после дождя!

– А что с ними можно сделать? – лорд-чародей изумленно приподнял брови.

– Премьер-министр предлагает их закрыть.

– Вот как? – Грегори бросил быстрый взгляд на вечного соперника и улыбнулся. – Полагаю, ненависть лорда Титуса к игорным домам вызвана тем, что вчера его средний сын спустил на Гроу-сквер кругленькую сумму? А позавчера то же самое сделал старший? И он теперь вынужден оплачивать долги обоим?

– Зря смеетесь, Саффолд! Между прочим, ваш племянник тоже стал завсегдатаем этого игорного дома, – мрачно отпарировал министр, поджав губы.

– В самом деле? – обронил граф, делая вид, что поправляет кружевной манжет. – Надеюсь, он хотя бы изредка выигрывает.

– Вы так равнодушно говорите о своем наследнике!

Лорд-чародей жалобно посмотрел на короля, с интересом прислушивающегося к разговору двух давних противников:

– Надеюсь, ваше величество, вы позвали меня не для того, чтобы обсуждать моего племянника и его пагубную тягу к азартным играм?

– Нет, Саффолд, я бы хотел узнать ваше мнение относительно идеи Титуса, призванной раз и навсегда покончить с азартными играми!

Лорд-чародей пожал плечами.

– Это абсурд. Даже под угрозой смертной казни люди будут играть в карты хотя бы для того, чтобы лишиться себе нервы. Официальное закрытие приведет лишь к тому, что игорные дома станут нелегальными. К тому же оно вызовет всеобщее недовольство, которое, на фоне того, что происходит сейчас в Париже, может отразиться на нас даже более пагубно. А если начнет литься кровь, то мы просто не сможем сдержать тьму, царящую в бездне.

– Тогда что предложите вы?

При упоминании о тьме его величество невольно поежился, как и все короли до него, при коронации он проходил обряд посвящения и хорошо знал, что это такое. Лорд-чародей задумался.

– Проще назначить повышенные налоги хозяевам таких заведений и тем самым пополнить казну, – предложил он через несколько минут.

– И это все, что вы можете сказать? – Премьер-министр с враждебной презрительностью посмотрел на мага, которого полагал не то шарлатаном, не то самим искусителем. – Каждый вечер в таких домах проигрываются огромные суммы, целые состояния!

– Вы сказали это образно или желаете поведать о ком-то конкретно? – Грегори не мог отказать себе в удовольствии поддразнить соперника.

– Вы все смеетесь! – Негодованию Титуса не было предела. – Посмотрим, что вы скажете, когда ваш племянник женится на девке из игорного дома!

Серые глаза лорда-чародея опасно блеснули.

– Наверное, вы не совсем в курсе происходящего? И сказали это, не подумав? – ласково предположил он.

Премьер-министр хмыкнул и покачал головой:

– Это вы не в курсе, о чем судачит весь Лондиниум! Девушка хороша собой и цепко взялась за молодого дуралея. Он вывозит ее в Королевские сады. Я видел это лично, и, более того, они чуть не опрокинули мой фаэтон! Она командует им напраполю, и все уже делают ставки, женит ли она его на себе!

– Надеюсь, вы поставили против? – процедил Грегори.

– Мой дорогой, я поставил на вас! – Титус ухмыльнулся и поклонился королю. – Ваше величество, если мы закончили, я удаляюсь. Граф, сегодня действительно было приятно повидаться с вами!

Саффолд проводил его тяжелым взглядом и вновь обернулся к королю, который задумчиво смотрел на своего чародея. Его величеству всегда импонировал этот слегка порывистый молодой человек, обладавший несомненным талантом как к магии, так и к дипломатии. Именно он дважды спасал последние переговоры, чуть не зашедшие в тупик. Его здравые суждения были изящны – в противовес консерватизму первого министра. Титусу давно уже пора было в отставку, но его поддерживал герцог Кавершем, с которым королю не хотелось ссориться, пока он не удостоверится в гишпанской поддержке.

– Не принимайте слова старика всерьез, – наконец сказал монарх, – но отнеситесь к ним с присущим вам здравым смыслом. Вы же знаете, что в этом возрасте юноши весьма порывисты.

Грегори криво усмехнулся:

– Бесспорно, Адриан, конечно, еще осел, но даже он не посмеет настолько нарушить правила приличия.

– Я надеюсь на это, – кивнул король. – Будет очень печально, если вашего наследника не станут принимать в обществе. Хотя тогда вам точно придется жениться!

Граф Саффолд лишь скрипнул зубами и промолчал.

После того как он покинул короля, Грегори устремился напрямик в квартиру Адриана, но того не было дома, и его слуга толком не мог объяснить, ни куда ушел хозяин, ни когда он соизволит вернуться. Поскольку лорду-чародею не хотелось бегать за племянником по всему городу, он решил повидаться с Адрианом завтра утром, пока тот будет еще в кровати.

Поэтому граф Саффолд направился по своим делам, включавшим в себя посещение фехтовального зала и обязательную вечернюю прогулку с верным Министром. Затем Грегори из любопытства начал подумывать о посещении дома на Гроу-сквер, но к нему зашел Майлз, и, прекрасно поужинав перепелками в винном соусе, крабовым муссом и паштетом из утки, друзья отправились к мадам Гризайль.

* * *

Адриан поехал в дом на Гроу-сквер. Все еще колеблясь в своем решении, он вошел в особняк и направился было в зал, когда увидел приоткрытую дверь и, движимый любопытством, заглянул внутрь комнаты.

Все эти дни он предавался мрачным размышлениям. Поведение Фебы казалось ему предосудительным. Вместо того чтобы восторгаться его гнедыми, она молчала всю дорогу, а под конец вела себя как гувернантка! Ему следовало бы осадить её, поставить на место, но он был слишком занят, пытаясь справиться с лошадьми.

Решив проявить холодное презрение, он избегал особняка на Гроу-сквер, мучаясь от невыносимой скуки дома. Напрасно друзья со смехом звали его с собой, эти два дня он был непреклонен. Наконец жажда развлечений победила, и на третий день после ужина Адриан решил присоединиться к приятелям с тем, чтобы жестко раз и навсегда дать понять Фебе, что не собирается терпеть такое поведение.

Признаться, эти дни он часто вспоминал ее огромные голубые глаза, тонкую линию шеи, нежные полукружия груди, вздымающиеся над корсажем и скромно прикрытые кружевами. Он жаждал обладать ею, хотя прекрасно понимал, что брак с девушкой из игорного дома невозможен. Но что мешает ему сделать ее своей любовницей? Его средств вполне хватит, чтобы снять ей небольшую квартирку где-нибудь неподалеку от его апартаментов. Он мог бы даже вывозить ее в театры или же на балы-маскарады, где правила приличия не так строги. Она наверняка будет ему признательна за столь явные перемены в судьбе. С этими мыслями он и направился в особняк на Гроу-сквер.

Увидев Фебу, одиноко сидящую за столом, Адриан, забыв о правильных решениях, кинулся к ней. Она была столь трогательна в своем отчаянии, что ему вдруг захотелось защитить её. Девушка отняла руки от лица, и ее голубые глаза засветились неподдельной радостью: – Адриан, вы здесь? О, я вас так ждала!

Он улыбнулся, снисходительно решив позабыть о ее поведении два дня назад. Ведь она искренне раскаивалась. Юноша был почти уверен, что даже ее нынешнее слегка возбужденное состояние вызвано лишь тем, что он сначала так спешно скрылся из ее жизни, а теперь снова вернулся. Сейчас, когда он держал ее руки в своих, девушка так радостно улыбалась, что он почти уверился в успехе своего предложения. Следовало только создать для него подходящий антураж, ведь женщины любят красивые жесты.

– Феба, дорогая... – Адриан задумался, затем его глаза засветились, и он решительно продолжил: – Давай сыграем в карты!

– Что? – она недоуменно наморщила лоб.

Адриан повторил предложение и, не дожидаясь ответа, потащил ее за собой в общий зал. Там он занял один из небольших столиков в углу, предназначенный для карточной игры, лично вскрыл колоду, сделал знак лакею, разносившему шампанское, подойти и начал раздавать карты. Вдохнув, Феба взяла их. Первую партию она проиграла, вторую – выиграла. В двух следующих победа вновь досталась Адриану, что привело его в совершенно благостное расположение духа. Он много пил и громко смеялся, привлекая всеобщее внимание.

Курт несколько раз вопросительно поглядывал на хозяйку, готовый вмешаться в любой момент, но та лишь качала головой, продолжая играть. Она хотела закончить после шестой партии, но Адриан начал протестовать, и девушка, не желая новой ссоры с ним, осталась за столом. Ставки росли, Феба видела, что ее противник опьянел и начинает проигрывать. Постепенно вокруг них образовалась толпа зрителей. Несколько человек принялись подбадривать Адриана. Он выиграл еще две партии и вновь выпил шампанского.

Незаметно для всех Феба прикоснулась к амулету удачи в виде листика клевера, активируя его. Она никогда раньше не использовала амулет, но сейчас ей показалось это правильным. Карты с шуршанием летели на стол. Колоду заменили на новую. Наконец на очередной ставке Адриан похлопал себя по карманам и обнаружил, что проиграл все деньги. Он недоуменно посмотрел на золотые монеты, рассыпанные по столу.

– Адриан, может быть, уже хватит? – неуверенно предложила Феба, но юноша замотал головой, силясь вспомнить, зачем пришел.

Сделав глоток шампанского, чтобы потянуть время, Адриан вдруг припомнил.

– Нет, – заплетающимся языком произнес он. – Еще одна... ставка! Нет, не перебивай! Значит, так... у меня денег уже нет... но это... это не важно. Если... если я выиграю, то ты... ты станешь моей любовницей!

Он торжествующим взглядом обвел притихшую толпу и зачем-то добавил:

– Да, именно так! Моей любовницей!

Кто-то в толпе, образовавшейся вокруг них, рассмеялся. Курт заметил, как от гнева побелело лицо Фебы, она буквально стиснула руками карты.

– Хорошо, – тихо сказала она. – В таком случае я делаю свою ставку, Адриан. Если ты проиграешь, ты на мне женишься.

Он кивнул и перетасовал колоду. В абсолютной тишине шелест карт был подобен раскатам грома. В задних рядах кто-то кашлянул, на него шикнули. Невысокий мужчина в сиреневом камзоле попытался пробраться ближе к столику, чтобы видеть все, но зрители стояли очень плотно, и ему это не удалось.

Разукрашенные картонки падали на зеленое сукно одна за другой. Фебе казалось, что время тянется бесконечно долго. Она сбросила две карты и взяла одну из колоды. Адриан нахмурился и добрал еще одну. Колода постепенно таяла, напряжение росло. Наконец Феба первая открыла карты, одну за другой выложив их на зеленое сукно. Адриан торжествующе хмыкнул, затем внимательно всмотрелся в свои. Цифры плясали перед глазами, и ему пришлось прищуриться, пытаясь рассмотреть, что изображено на бумаге, затем его глаза расширились, он разом протрезвел и в ужасе бросил карты на стол.

– Вы выиграли, – одними губами произнес он.

Толпа ахнула. Курт подошел к столику и по-деловому начал собирать монеты и долговые расписки. Феба, все еще злясь на юношу, устроившего вульгарное представление, спокойно встала:

– Я надеюсь, Адриан, вы не станете задерживать выплату этого долга!

– Да, но... – пролепетал он, абсолютно уничтоженный.

Феба вскинула руку, прерывая молодого человека:

– Даю вам неделю!

Она повернулась и направилась к выходу. Курт, прихрамывая, пошел за ней. Это послужило сигналом, зрители начали расходиться, лишь Адриан какое-то время еще сидел за столом, ошеломленно смотря на карты, словно не веря в случившееся. Затем он встал и, покачиваясь, направился к выходу. Его никто не окликнул.

* * *

Ночь охладила разгоряченное лицо, но не принесла покой в душу. Юноша долго бродил по улицам, пытаясь обдумать ситуацию. Получалось плохо. Голова кружилась от выпитого, руки дрожали от осознания неотвратимой беды.

Теперь все отвернутся от него, он станет изгоем в любом случае, женится он или нет, его перестанут принимать в приличном обществе. Мать это сведет в могилу, а уж что скажет его дядя... При одной мысли о буре, которую обрушит на его голову лорд-чародей, Адриан

обхватил голову руками и застонал. Зачем только он вообще затеял эту игру! Теперь для него нет выхода, кроме как жениться на Фебе. Он, наследник Саффолдов, и девка из игорного дома!

Наверное, следует пустить себе пулю в лоб, избавив семью от позора. Он вскинулся и решительно зашагал домой, но, пока переходил улицу, вдруг вспомнил, что у него нет пистолетов. Повешение слишком не эстетично... Затем ему пришла мысль броситься с моста в реку, но Адриан был прекрасным пловцом и сомневался, что утонет.

Так ничего и не придумав, полный сочувствия к самому себе, с рассветом он направился домой в надежде, что проснется и обнаружит, что ему все приснилось.

У себя в апартаментах юноша направился в спальню, громко окликая лакея, но тот не отозвался. Слегка удивленный этим, Адриан вошел в комнату и замер, вцепившись в медную дверную ручку.

Его дядя граф Саффолд сидел в кресле, поставленном у камина, и задумчиво смотрел на тлеющие угли. Казалось, его светлость не беспокоит ни беспорядок, царивший вокруг, ни то, что камин почти погас. Услышав шаги, граф поднял голову и буквально прожег племянника взглядом.

– Можешь войти. – В голосе лорда-чародея слышалось ледяное презрение. – Надеюсь, прогулка на рассвете протрезвила тебя настолько, что ты в состоянии связно изложить события сегодняшней ночи в одном известном всем доме на Гроу-сквер.

Адриан нервно сглотнул.

– Вы уже знаете? – прошептал он.

Глаза графа зло блеснули.

– Об этом знает уже весь Лондиниум! – Он щелчком пальцев расправил слегка сбившиеся манжеты и встал. – Но я хотел бы из первых уст услышать, что все-таки с тобой случилось.

Бледнея и заикаясь под пристальным взглядом, Адриан пересказал события прошедшей ночи. По мере его рассказа граф Саффолд мрачнел все больше. Под конец племяннику стало казаться, что тот едва сдерживается. Впрочем, он был недалеко от истины. Грегори действительно жаждал придушить этого осла. Так глупо попасться на ровном месте!

– Полагаю, вы хотя бы осознали, что натворили?! – процедил он сквозь зубы, борясь с желанием свернуть мальчишке шею и тем самым разом решить все проблемы.

Адриан опустил голову:

– Простите... Я... я был уверен, что выиграю...

– Охотно верю. – Чтобы хоть как-то занять руки, лорд-чародей вновь тщательно расправил манжеты. – Вопрос, Адриан, в том, что вы собираетесь предпринять дальше.

– Я... я думал... – юноша замялся.

Граф с насмешкой посмотрел на него:

– Судя по последним событиям, мозговая деятельность – не самое успешное для вас поприще!

Адриан опустил голову еще ниже.

– Я все понимаю, я опозорил семью, – заговорил он, с горечью осознавая, что у него просто не остается выбора. – О, не волнуйтесь, милорд, я... я избавлю вас всех от необходимости смириться с этим браком.

– Могу я поинтересоваться, каким же образом вы это сделаете?

– Если вы одолжите мне свой пистолет...

Грегори чуть не подпрыгнул на месте.

– Вы еще больший идиот, чем представлялось мне! – воскликнул он. – Интересно, кому будет предназначаться пуля? Этой девке? Как там бишь ее? Ах да – Прелестница?

– Мне. – Адриан с удивлением посмотрел на дядю. – Вы ведь хотите избежать позора?

Граф вновь повернулся к камину, словно пытаясь скрыть выражение своего лица. Его племянник так и остался стоять, понуриив голову. Наконец граф Саффолд заговорил.

– Адриан... – Его голос зазвучал очень вкрадчиво. – Я, конечно, знал, что вы обо мне нелестного мнения, но уверяю, сколь ни велико мое желание придушить вас, пистолет я вам не дам. И не позволю, слышите вы, молодой осел, покончить с жизнью только потому, что вас обвела вокруг пальца какая-то юбка!

– Вы настаиваете, чтобы я женился? – юноша удивленно посмотрел на дядю.

– Я настаиваю, что вы – идиот! – отрезал он. – К тому же – пьяный идиот! Поэтому мы сейчас отправимся в мой особняк, где вы, наконец, проспите!

– Но почему в ваш особняк?

– Потому что это – единственное место, где я могу оставить вас со спокойной душой, зная, что никто не позволит вам выйти из дому, чтобы вытворить очередную глупость!

– А вы? – пробормотал он, окончательно уничтоженный словами дяди. – Что собираетесь делать вы?

Грегори недобро усмехнулся:

– Заниматься своими обязанностями чародея: пойду выкупать вашу душу! Идемте!

Глава 6

Феба проснулась достаточно поздно. Она долго лежала в постели, припоминая события прошедшей ночи. Вопреки всему, она не чувствовала ни торжества, ни облегчения, лишь невероятную усталость. Сейчас, при свете дня, её вчерашний поступок выглядел просто чудовищным. Она вела себя вульгарно, словно портовая девка. И эта нелепая игра, которую видели все, казалась верхом непристойности.

Застонав, девушка закрыла лицо руками. Она не сомневалась, что вчерашние ставки уже стали темой для сплетен за завтраком у всего Лондиниума. И теперь уж точно ни ее, ни Адриана, женись он на ней, не примут ни в одном приличном доме. Более того, эта история моментально достигнет ушей лорда-чародея, и уж тогда им всем не поздоровится! Вне всяких сомнений, рыжеволосый граф наверняка придумает какую-нибудь коварную месть.

Феба вздохнула. Ей действительно было жалко Адриана. Конечно, мальчишка заслужил, чтобы его проучили, но не стоило ломать ему жизнь. Хорошенько поразмыслив, девушка решила поговорить со своим теперь уже женихом. Возможно, он оплатит ее долги, и она освободит его от данного слова.

В дверь постучали, затем на пороге возник Курт, к ее удивлению, причесанный и в парадной ливрее.

– Если ты уже проснулась, – сообщил он, смотря куда-то на стену поверх головы Фебы, – то тебя внизу ждет какая-то женщина. Судя по ее визитной карточке и брезгливому выражению лица, с которым она на все смотрит, это твоя будущая свекровь.

– Скажи ей, что я сплю!

Девушка почувствовала желание нырнуть под одеяло с головой и провести так остаток жизни.

– Я говорил это два часа подряд. Она требует тебя разбудить и, судя по всему, готова подняться сюда и лично выволочь тебя за волосы из постели! – Курт наконец посмотрел на Фебу, в его глазах укор смешивался с восхищением. – Ну и заварила ты кашу!

– А что мне было делать? – огрызнулась она. – Ты же слышал ставку Адриана! К тому же герцог Кавершем выкупил наши долги и пришел вчера угрожать мне! Да-да, и не стоит делать такое удивленное лицо, ты сам меня предупреждал, что этим все и закончится!

– Послушай, Феба, может, стоит принять предложение герцога? – миролюбиво предложил Курт. – Он уже стар и не сможет часто бывать у тебя, а ты будешь обеспечена...

– Не смей даже говорить мне об этом! – содрогнулась она, вспомнив водянистые глаза, рассматривавшие ее ночью. – Я лучше пойду в долговую тюрьму!

– Боюсь, ты до нее не доживешь, учитывая мегеру, что ждет тебя внизу, – пробурчал Курт. – Я пришлю горничную.

Через полчаса Феба спустилась на первый этаж, где в большом зале ее дожидалась миссис Бёрджес.

Почтенная дама стояла посреди зала и с ужасом взирала на беспорядок, царивший там.

– Добрый день! – вежливо окликнула ее девушка.

Та обернулась и смерила хозяйку дома уничижающим взглядом.

– Значит, вы и есть та вульгарная особа, которая жаждет проникнуть в нашу семью?

– Можно сказать и так! – Феба подчеркнуто спокойно посмотрела на мать Адриана, некогда слышную красавицей.

Ее цвет волос не удавалось рассмотреть под толстым слоем пудры, но девушка не сомневалась, что они каштаново-рыжие, по крайней мере были когда-то. Черты лица, несмотря на глубокие морщины, удивительно напоминали лицо лорда-чародея. А серые глаза с холодным

презрением разглядывали особу, которая, по мнению миссис Бёрджес, пыталась занять место невестки.

– Надеюсь, дорогая, вы понимаете, что все, случившееся вчера, было дурной шуткой, и вы не должны требовать от моего сына исполнения обязательств?

– Вот как? А мне кажется, что проигрыш в карты является делом чести, – как можно более невинно ответила Феба, задетая таким отношением к себе.

Собеседница бросила на нее еще один тяжелый взгляд:

– Не в этом случае! Вы знаете, что Адриан – племянник лорда-чародея?

– Да, мне кто-то говорил об этом.

– Тогда вы должны понимать, что его ждет блестящее будущее!

– Разумеется, – улыбнулась девушка.

– Но женитьба на такой, как... – миссис Бёрджес окинула ее презрительным взглядом. – Такой, как вы, делает его будущее невозможным!

– Скорее, менее блистательным, – язвительно отозвалась Феба, еще сильнее задетая её словами.

– Невозможным, моя дорогая! – распалилась та. – Никто не будет общаться с...

Она осеклась, понимая, что чуть не сказала лишнего, но девушка прекрасно все поняла.

– Ну что же вы, продолжайте! – зло процедила Феба. – Вы же хотели сказать «с девкой из игорного дома»?

– Именно! Вы погубите его! Поэтому единственно правильное, что вы можете сделать, это отказаться от моего мальчика и оставить его в покое!

– И вы даже не предложите мне за это денег? – усмехнулась девушка, слегка пораженная такой бескомпромиссностью: она пока что опасалась назвать это наглостью.

Миссис Бёрджес удивленно вскинула брови:

– Деньги? Таким, как вы, не нужны деньги – вы всегда можете получить их, оказав любезность джентльмену!

Феба почувствовала, как кровь бросилась ей в голову. Если до этого визита у нее еще были какие-то сомнения, то мать Адриана их развеяла.

– Ну все, с меня довольно! – Девушка подошла к двери и распахнула ее. – Уходите! Убирайтесь отсюда!

– Да как вы смеете?! – взвизгнула та, но осеклась, увидев Курта, с мрачным видом стоявшего в холле.

Он слишком выразительно посмотрел на посетительницу и сделал шаг в ее сторону. Поняв, что сила не на ее стороне, миссис Бёрджес с гордо поднятой головой проплыла по холлу и вышла.

– И это только первая ласточка, – мрачно заметил Курт, когда дверь за посетительницей захлопнулась, – слабая и жирная. Как ты помнишь, есть еще и сам лорд-чародей!

Феба лишь махнула рукой, словно прося оставить ее в покое, и вновь поднялась к себе в комнату. Слова миссис Бёрджес задели ее за живое. Она действительно стала девкой из игорного дома, женщиной, которой не место в приличном обществе. И это самое общество совершенно не волновали мотивы, которые ей двигали. Девушка должна была просто умереть с голоду, но соблюсти правила приличия или поплатиться за свое своеволие и жажду жизни сполна.

Взгляд упал на счета, лежавшие на столике. Отобрав наиболее срочные, она направилась к Курту с просьбой оплатить их из выигранных вчера денег. Спускаясь по лестнице, Феба увидела, что высокий рыжеволосый мужчина входит в их дом, и замерла на ступенях, чувствуя, что начинает дрожать от страха.

* * *

Грегори доставил подавленного племянника домой, распорядился не спускать с мальчишки глаз и, сев в свой экипаж, направился в дом на Гроу-сквер, мрачно размышляя, что похождения Адриана на этот раз будут стоить ему не меньше десяти, а то двадцати тысяч. Он сомневался, что девица, так нагло воспользовавшаяся ситуацией, будет настаивать на браке, если он правильно изложит ей свою позицию.

Карета остановилась перед небольшим домом. Лакей, прекрасно понимая настроение хозяина, торопливо распахнул дверцу, и лорд-чародей буквально спрыгнул со ступенек на мостовую. Он легко поднялся по ступеням и постучал в дверь отполированным бронзовым молотком. Дверь открыл мужчина, судя по выправке, отставной военный. Граф неодобрительно посмотрел на его слегка неряшливый вид.

– Мы не принимаем по утрам, – мужчина попытался закрыть дверь, но лорд-чародей уже вошел в холл.

– Любезнейший, скажите хозяйке дома, что граф Саффолд хотел бы поговорить с ней!

– И не подумаю! – пробурчал слуга, демонстративно скрещивая руки на груди.

Его светлость нахмурился. Как правило, упоминания имени хватало, чтобы все вокруг незамедлительно начинали исполнять его требования, но старый лакей лишь ухмыльнулся.

– Приберегите гримасы для других, ваша светлость! – посоветовал он.

Лорд-чародей холодно посмотрел на него и собирался было устроить наглецу головоломку, когда шорох юбок и звуки шагов, раздавшиеся на лестнице, привлекли его внимание. Он поднял голову и увидел ту самую незнакомку, чьи глаза иногда вспоминал.

– Это вы? – Изумление промелькнуло на его лице, тотчас сменившись презрением, он криво усмехнулся. – Теперь мне стали понятны ваши слова тогда в парке.

– Вы встречались? – Курт вопросительно посмотрел на Фебу.

Она обреченно кивнула и начала спускаться. Граф Саффолд тем временем бросил еще один взгляд на мужчину, который открыл ему дверь. Интересно, какие отношения связывают его с хозяйкой дома? Он вряд ли был ей отцом, слишком уж они не похожи. Любовник?

Заметив пристальный взгляд посетителя, слуга грозно нахмурился и подчеркнуто перевел взгляд на хозяйку, словно спрашивая разрешения выставить незваного визитера вон. Нет, не любовник, скорее, слуга и друг. Девушка покачала головой и обратилась к незваному гостю:

– Прошу вас, милорд.

– Разумеется, – он снисходительно кивнул, давая понять, что другого ответа он и не ждал.

Феба первой шагнула в кабинет, с тоской подумав, что в последнее время она слишком часто приходит сюда в сопровождении мужчин. Лорд-чародей вошел следом и тщательно закрыл за собой дверь, затем обернулся к девушке. Та осталась стоять, вцепившись в спинку стула, вынуждая и гостя оставаться на ногах. Он не торопился начать разговор, внимательно изучая её.

Теперь он понимал, что нашел в ней Адриан, и не только он один. Эти огромные глаза, небольшая скорбная складка у рта, еле заметная, но придающая ее лицу какой-то трагизм. Судя по подрагивающим кружевам, прикрывавшим высокую грудь, она тяжело дышала, словно боялась. Скорее всего, так оно и было.

– Интересно, о чем вы думали, когда затевали все это? – вдруг спросил он.

Феба с изумлением посмотрела на него, решив, что ослышалась:

– Простите, что?

Граф Саффолд повторил вопрос.

– Вас действительно интересуют мои мысли? – девушка приподняла брови.

– Если честно – не особо, – усмехнулся лорд-чародей, окинув ее цепким взглядом. – Думаю, мы обойдемся без долгой беседы. Меня интересует лишь та цена, за которую вы готовы отступить от Адриана.

Возможно, в другое время Феба с благодарностью уцепилась бы за возможность с пользой для себя выйти из этой игры, но тон лорда-чародея вкупе с визитом его сестры заставили ее проявить упрямство:

– С чего вы решили, будто я отступлюсь?

– А для чего еще вы устроили весь этот цирк? Только не говорите, что вы действительно собрались замуж за мальчишку! – фыркнул граф.

– Почему нет? Адриан богат и после вашей смерти станет графом!

Взгляд серых глаз стал ледяным. Пытаясь не выдать страх, девушка вызывающе улыбнулась.

– Если я не женюсь, – вкрадчиво заметил Саффолд.

– Насколько мне известно, вам больше тридцати лет, неужели вы готовы поступиться своей свободой?

– Ради того, чтобы оставить такую, как вы, с носом, – пожалуй, да.

Грегори заметил, что девушка слегка вздрогнула, его слова ее задели.

– Даже если и так, Адриан все равно достаточно богат сам по себе, чтобы обеспечить своей жене безбедное существование. – Феба гордо вздернула подбородок. – Его происхождение и положение в обществе...

– И вас не смущает, что при этом вас с ним не пустят ни в один приличный дом? – перебил ее чародей.

Она делано рассмеялась:

– Вы говорите так, будто сейчас я завалена приглашениями.

Он невольно усмехнулся, признавая её правоту:

– Хорошо, но давайте же вернемся к тому, с чего начали. Какая сумма вас устроит? Десять тысяч?

Девушка пристально посмотрела на него и покачала головой.

– Вы так дешево цените своего племянника?

– Поверьте, я ценю его достаточно дорого, а в последние дни – еще дороже.

Теперь настала ее очередь улыбнуться. Лорд-чародей невольно нравился ей все больше и больше. В какой-то момент она вдруг захотела сказать, что все, случившееся вчера, лишь дурная шутка, и у нее нет претензий к Адриану. Девушка прищурилась, чтобы прогнать навязание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.